

Томаш Седлачек

ЭКОНОМИКА ДОБРА И ЗЛА

В ПОИСКАХ
СМЫСЛА
ЭКОНОМИКИ
ОТ ГИЛЬГАМЕША
ДО УОЛЛ-СТРИТ

Томаш Седлачек

**Экономика добра и зла. В
поисках смысла экономики
от Гильгамеша до Уолл-стрит**

«Ад Маргинем Пресс»

2012

УДК 330.101:330.8(100)
ББК 65.01+65.02(0)

Седлачек Т.

Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от
Гильгамеша до Уолл-стрит / Т. Седлачек — «Ад Маргинем
Пресс», 2012

ISBN 978-5-91103-301-9

«Экономика добра и зла» – результат размышлений Томаша Седлачека о том, как менялись представления человека о мире с экономической точки зрения. Автор предлагает взглянуть на экономику не как на строгую научную дисциплину, а как на культурное явление, продукт нашей цивилизации. Он обращается к важнейшим историческим источникам и трудам великих мыслителей: от шумерского эпоса и Ветхого Завета до древнегреческой и христианской литературы, от Рене Декарта и Адама Смита до современной эпохи постмодернизма, чтобы показать развитие экономического мировоззрения. В своем исследовании Седлачек применил междисциплинарный подход, убеждая читателя в том, что понятия и концепции, которыми оперирует экономика, лежат за пределами ее дисциплины. Таким образом, Седлачек рассматривает вопросы метаэкономики, которые непосредственно связаны с историей, философией, антропологией, социологией и культурологией. Проделанная автором «деконструкция» истории экономики дала понять, что экономика, по сути, занимается вопросами добра и зла.

УДК 330.101:330.8(100)
ББК 65.01+65.02(0)

ISBN 978-5-91103-301-9

© Седлачек Т., 2012
© Ад Маргинем Пресс, 2012

Содержание

Предисловие	7
Слова благодарности	8
Введение	10
Мифы, история и гордая наука	11
Желание убеждать	12
Экономика добра и зла	13
О чем эта книга: метаэкономика	15
Все цвета экономики	16
Границы любознательности	18
Содержание: семь эпох, семь тем	20
Практические вопросы и определения	22
Часть I	23
1 «Эпос о Гильгамеше»	23
Непродуктивная любовь	24
Вырубает кедры	26
Человек: между животным и роботом	28
Сикеру[52] пей, суждено то миру	29
От капризов природы – к капризам человека	31
Естественная природа...	33
...И грешная цивилизация?	34
Укрощение дикого зла и прообразы невидимой руки рынка	36
В поисках bliss point[96]	38
Заключение. Колыбель экономических вопросов	40
2 Ветхий Завет	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Томаш Седлачек
Экономика добра и зла. В поисках смысла
экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит

© Tomáš Sedláček, 2012

Originally published in Czech as *Ekonomie dobra a zla*, 2012 by Nakladatelství 65. pole

© Павел Табачникас, перевод, 2016

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2016

Предисловие

Я имел возможность прочитать книгу Томаша Седлачека до ее издания и могу с уверенностью заявить, что перед нами нестандартный взгляд на научную дисциплину, которая, как считают многие, довольно скучна. Его труд меня, разумеется, заинтриговал, и мне было любопытно, вызовет ли он интерес у других читателей. К удивлению автора и издателя, книга сразу же привлекла внимание как экспертов, так и широкой общественности и в течение нескольких недель стала бестселлером в нашей стране. По стечению обстоятельств Томаш Седлачек в то время был еще и членом Национального экономического совета при правительстве Чешской Республики, который разительно отличается своими взглядами на долгосрочные цели от сварливого и вздорного политического окружения, ничего обычно не загадывающего дальше даты следующих выборов.

Вместо того чтобы давать самоуверенные и эгоцентричные ответы, автор скромно задает фундаментальные вопросы. Что такое экономика? В чем ее смысл? Откуда взялась эта, как ее часто называют, новая религия? Каковы ее возможности, ограничения и пределы и есть ли они вообще? Почему мы так зависимы от постоянного растущего роста и роста растущего роста? Откуда взялась идея прогресса и куда он нас ведет? Почему большинство участников экономических дискуссий так одержимы и фанатичны? Все эти вопросы нередко возникают у вдумчивого человека, но он вряд ли дождется ответов на них от экономистов.

Большинство наших политических партий придерживается сугубо материалистических взглядов, отводя главное место в своих программах экономике и финансам, и только где-то в самом конце, как некое необязательное приложение или подачка для узкого круга сумасшедших, упоминается культура. Большинство что правых, что левых – сознательно или бессознательно – принимает и распространяет марксистский тезис об экономическом базисе и духовной надстройке.

Возможно, все это связано с тем, что экономику как научную дисциплину зачастую принимают за простое счетоводство. Но какая же это бухгалтерия, если многое из того, что является неотъемлемой частью нашей жизни, с трудом поддается учету или вовсе бесценно? Интересно, что сделал бы такой экономист-бухгалтер, если бы перед ним, к примеру, была поставлена задача оптимизировать работу симфонического оркестра? Он, скорее всего, исключил бы все паузы из концертов Бетховена, ведь они совершенно ни к чему и только растягивают выступление, а оркестранты, конечно, не могут получать деньги за то, что не играют.

Вопросы, поставленные автором этой книги, рушат стереотипы. Он стремится вырваться за рамки узкой специализации и преодолеть границы научных дисциплин. Попытка выйти за пределы экономики и исследовать ее связи с историей, философией, психологией или древними мифами не только оригинальна, но и необходима для понимания мира XXI века. Вместе с тем эта книга предназначена для широкого круга читателей: экономика в ней предстает своеобразной дорбгой приключений, а ее изучение характеризуется постоянным поиском. Но совсем необязательно, что в конце мы найдем точные ответы, – у нас лишь появится повод еще раз глубоко задуматься о мире и положении человека в нем.

В моей президентской канцелярии Томаш Седлачек принадлежал к поколению молодых коллег, от которых я ожидал свежего взгляда на проблемы современного мира, взгляда, не затуманенного четырьмя десятилетиями тоталитарного коммунистического режима. Мне кажется, что мои ожидания оправдались, и вы, полагаю, тоже по достоинству оцените его книгу.

Вацлав Гавел

Слова благодарности

В первом издании я выразил свою признательность очень коротко, что не совсем правильно, потому в этот раз буду чуть более многословен. Книга, которую вы держите в руках, рождалась в течение многих лет и была создана на основе бесконечных разговоров, лекций, а также огромного количества чужих трудов, прочитанных бессонными ночами.

Я благодарен двум моим прекрасным учителям, профессору Милану Сойке (моему руководителю) и Г. Е. Милану «Майку» Мисковскому (много лет назад вдохновившему меня на проработку этой темы). Данная книга посвящена их памяти. Обоих уже нет с нами.

Я должен выразить свою признательность моему прекрасному учителю, профессору Любомиру Млчоуху, с которым я имел честь работать в качестве ассистента, когда он вел курс «Деловая этика». Огромная благодарность профессорам Карлу Коубу, Михалу Мейстрику и Милану Жаку. Большое спасибо тем, кто слушал курс экономической философии в 2010 году, за их замечания и идеи.

Я хотел бы поблагодарить профессоров Катрин Ланглуа и Стэнли Ноллена из Джорджтаунского университета за то, что они научили меня писать, а также профессора Говарда Хусока из Гарварда. Выражаю огромную признательность Йельскому университету за предоставленную мне щедрую стипендию, благодаря которой у меня появилась возможность написать основную часть этой книги. Хочу сказать спасибо Всемирной стипендиальной программе Йельского университета и всем из Беттс Хаус. Я бесконечно признателен выдающемуся Джерри Руту за приглашение пожить в подвале его дома, где я смог провести полтора месяца в полном покое, работая над этой книгой, а также за трубку и табак. Выражаю благодарность Дэвиду Суину, который сделал все это возможным, и Джеймсу Хальтману – за все книги. Благодарю Душана Драбину за поддержку в трудные минуты.

Также я хочу поблагодарить немало философов, экономистов и мыслителей, среди которых профессор Ян Швейнар, профессор Томаш Галик, профессор Ян Сокол, профессор Эразим Когак, профессор Милан Маховец, профессор Зденек Нойбауэр, Давид Бартонь, Мирек Замечник и мой младший брат, великий мыслитель Лукаш. Я очень вам признателен и бесконечно вас уважаю... Вряд ли я смогу в полной мере выразить благодарность своей семье, прежде всего отцу и матери.

Большое спасибо за конкретную помощь в работе над этой книгой я говорю команде, участвовавшей в подготовке ее английской и чешской версий: Томашу Брандейсу – за идеи, веру и мужество, Жири Надобе – за редактирование и управление процессом, Бетке Сочувковой – за выдержку и настойчивость, Милану Стари – за иллюстрации к английскому изданию, креативность и доброжелательность, Дугу Арелланесу – за точный и аккуратный перевод и Джефффри Остерроту – за тщательную английскую корректуру.

Не могу не отметить двух великих личностей, которые помогли мне написать и отредактировать отдельные части этой книги: Мартина Поспишила и Лукаша Тота, двух моих интеллектуальных братьев. У меня не хватает слов, чтобы выразить благодарность за отличные идеи, горячие дебаты и совместные изыскания, а также за их напряженную работу над конкретными главами, где они выступили в качестве соавторов. Также я хотел бы поблагодарить моих коллег из банка *ČSOB* за творческую рабочую атмосферу и поддержку.

Моя жена Маркета была со мной в самые тяжелые минуты. Спасибо тебе за твои улыбки и идеи (Маркета – социолог; наверное, вы можете себе представить наши дискуссии за ужином). На самом деле это и ее книга тоже.

Но самую большую благодарность я хочу выразить тому, чье имя я, если честно, даже и не знаю...

Моему сыну Криштофу, который, как я чувствую, в свои детские годы многое понимает глубже, чем когда-либо смогу понять я. Так или иначе, возможно, однажды ты напишешь книгу лучше этой.

Вотще за Богом смертные следят.
На самого себя напавь ты взгляд;
Ты посредине, такова судьба;
Твой разум темен, мощь твоя груба.
Для скептицизма слишком умудрен,
Для стоицизма ты не одарен;
Ты между крайностей, вот в чем подвох;
И ты, быть может, зверь, быть может, бог;
Быть может, предпочтешь ты телу дух,
Но смертен ты, а значит, слеп и глух,
Коснеть в невежестве тебе дано,
Хоть думай, хоть не думай – все равно;
Ты, смертный хаос мыслей и страстей,
Слепая жертва собственных затей,
В паденье предвкушаешь торжество,
Ты властелин всего и раб всего.
О правде судишь ты, хоть сам не прав,
Всемирною загадкою представ.

Александр Поуп. «Опыт о человеке»

Введение

История экономики: от поэзии к науке

Реальность сплетается из историй, а не из материи.
Зденек Нойбауэр

*Не существует идеи, сколь бы устаревшей и абсурдной она ни
была, которая не способна улучшить наше познание.*
Допустимо все...
Пол Фейерабенд

С древних времен человек стремился понять мир вокруг себя. В этом ему помогали предания, объясняющие, что же на самом деле происходит. С позиции сегодняшнего дня такой взгляд на мир вызывает улыбку – мы так же будем выглядеть в глазах поколений, которые придут после нас. Однако тайная мощь сказаний, в которые верили люди, огромна.

Одним из подобных примеров является история экономики, которая начала свой отсчет достаточно давно. Около 400 года до нашей эры Ксенофонт написал: «Однако мы решили, что хоть бы у кого и не было имущества, все-таки возможно какое-то знание хозяйства. Так что же мешает и тебе его знать?»¹

Когда-то экономика была наукой о ведении домашнего хозяйства², позднее – набором религиозных, богословских, этических и философских дисциплин. Но постепенно она превратилась в нечто иное. Иногда нам может показаться, что экономика потеряла всю свою многогранность под влиянием технократического мира, где господствуют черное и белое. Но ее прошлое гораздо разнообразней, чем кажется.

Экономика в том виде, в каком мы воспринимаем ее сегодня, является культурным феноменом, порождением нашей цивилизации. Причем это не продукт, изготовленный или изобретенный нами осознанно, как, например, двигатель или наручные часы. Различие в том, что в случае двигателя или часов мы знаем, откуда они взялись, и понимаем принципы их работы. Мы можем (почти все) их разобрать и собрать. Знаем, как привести их в действие и остановить³. С экономикой все по-другому. С ней происходит слишком много всего непреднамеренного, спонтанного, неконтролируемого, незапланированного, того, что не подчиняется дирижерской палочке. Прежде чем экономика получила статус самостоятельной науки, она, так же, например, как этика, вполне успешно существовала как подраздел философии. Тогда восприятие экономики весьма отличалось от современного представления о ней как о математизированной науке о распределении ресурсов, свысока смотрящей в своем позитивистском высокомерии на другие, «нестрогие» дисциплины. Но наше тысячелетнее «воспитание» базируется на более глубоких, более широких и зачастую более устойчивых основах. Стоит помнить об этом.

¹ Ксенофонт. Домострой, 2.12. (Здесь и далее, за исключением оговоренных случаев, примеч. автора.)

² От др.-греч. οἶκος – «дом, хозяйство, хозяйствование» и νόμος – «правило, закон».

³ Но все же нам до сих пор не удалось раскрыть тайны материи как таковой. Как устроены часы, мы понимаем до определенной степени. Точно так же, как не знаем, что из себя в действительности представляет время. Таким образом, мы понимаем механизм часов только в той части, которую создали сами.

Мифы, история и гордая наука

Было бы глупо полагать, что люди начали задаваться экономическими вопросами только с наступлением научной эпохи. На первых порах они объясняли мир вокруг себя посредством мифов и религий; сегодня роль интерпретатора действительности играет наука. Чтобы мы смогли понять экономические взгляды наших предков, нам придется окунуться в их легенды и постичь их философию. Именно этому и посвящена книга: мы попытаемся найти следы экономического мышления в старых мифах и наоборот, найти мифы в сегодняшней экономике.

Считается, что современная экономика началась в 1776 году с публикации труда «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита. Наш постмодернистский век (который зримо скромнее, чем предыдущая научная эпоха)⁴ готов заглянуть в прошлое и осознает силу истории (ее бремени), мифологии и религии. «Исчезают границы между историей науки, ее философией и самой наукой, а также между наукой и не-наукой»⁵. И потому мы отправимся в глубь времен настолько далеко, насколько нам позволит письменное наследие нашей цивилизации. Мы проследим за первыми попытками разобраться с экономическими вопросами в эпосе о шумерском царе Гильгамеше и посмотрим, какие экономические взгляды имели евреи, христиане, люди античности и средневековые мыслители. Также мы тщательно исследуем и учения тех, кто относительно недавно заложил основы современной экономики.

Вопреки распространенному мнению, изучение истории экономики с этой точки зрения – это не никому не нужное знакомство с тупиками или с разнообразием проб и ошибок (исправленных нами совсем недавно), а всесторонний анализ того, что данная отрасль знаний может нам предложить. У нас нет ничего другого, кроме наших собственных сказаний. История мысли дает нам возможность уйти от интеллектуальной пустоты, в которую мы погружаемся, помогает нам преодолеть актуальные тенденции и сделать пару шагов назад.

Изучать древние повествования полезно не только историкам и не только для того, чтобы лучше понять ход мыслей (пра)отцов. Предания сохраняют свою собственную силу даже после того, как новые версии событий либо вытесняют предыдущие, либо выворачивают их наизнанку. Примером может послужить самая известная, наверное, дискуссия в истории – спор по поводу геоцентрической или гелиоцентрической модели Вселенной. Как известно, победила гелиоцентрическая концепция. Однако мы и сегодня говорим, что солнце *восходит* и *заходит*, что соответствует геоцентрическим взглядам. Основой нашей ориентации в мире являются восток и запад. При этом мир никакого востока и запада не имеет. А если уж что и восходит, то это наша Земля, но уж никак не Солнце: оно не вращается вокруг Земли, это Земля вращается вокруг Солнца, по крайней мере именно так утверждают ученые.

Более того, древние легенды, идеалы и архетипы, о которых пойдет речь в первой части книги, до сих пор с нами и помогают формировать наше отношение к миру и восприятие самих себя. Как говорил К. Г. Юнг, «подлинная история развития человеческого сознания хранится не в ученых книгах, она хранится в психической организации каждого из нас»⁶.

⁴ Термин «наука» мы используем здесь в весьма вольном значении. К глубоким раздумьям над «научным» и «ненаучным» мы перейдем во второй части книги.

⁵ Фейерабенд П. Против методологического принуждения. С. 180.

⁶ Юнг К. Г. Психология и религия. С. 169.

Желание убеждать

Экономисты должны верить в силу истории. Адам Смит в нее верил. Как сказано в его книге «Теория нравственных чувств», «желание, чтобы нам верили, желание убеждать, руководить и направлять людей кажется одной из наших сильнейших естественных страстей»⁷. Заметьте, автором этого высказывания является предполагаемый отец идеи, что эгоизм есть самое сильное из всех наших врожденных стремлений. Два других известных экономиста, Роберт Шиллер и Джордж Акерлоф, недавно написали: «Человек склонен мыслить нарративами – цельными цепочками событий, имеющими внутреннюю логику и динамику. Наши действия определяются историей нашей жизни, которую мы рассказываем сами себе. Если бы не эти истории, наверное, жизнь казалась бы “сплошной вереницей гадостей”. Для того чтобы страна или организация чувствовали себя уверенно, тоже нужны свои истории. Великие руководители – это в первую очередь талантливые творцы историй»⁸.

Цитата отсылает нас к высказыванию «Жизнь – не вереница гадостей. Это одна и та же гадость, повторяющаяся бесконечно»⁹. Миф (наши захватывающие рассказы, повествования) представляет собой «откровения о происходящем здесь и сейчас, всегда и вечно»¹⁰. Иными словами, он является тем, «чего никогда не было, никогда не будет, но есть всегда»¹¹. Однако современные экономические теории, имеющие в своем основании строгие модели, являются не чем иным, как метанарративами, пересказанными на другом (математическом?) языке. Потому и необходимо изучить историю с самого начала – так как известно, что *«не будет хорошим экономистом тот, кто только экономист»*¹².

Так как экономика стремится властно распространить свое влияние на все сферы жизни, нам придется рискнуть выбраться из нашей области знаний и действительно попытаться осмыслить абсолютно все. А если хотя бы частично правдиво предположение, что «спасение сегодня заключается в исчезновении материальной нужды, что приведет человечество к новой эре экономических излишеств, где главными священниками должны стать экономисты»¹³, нам следует знать об этой новой роли и быть готовыми взять на себя большую социальную ответственность.

⁷ Смит А. Теория нравственных чувств. С. 324.

⁸ Акерлоф Дж. А., Шиллер Р. Дж. Spiritus Animalis. Гл. «Истории». С. 75.

⁹ Высказывание приписывается американской поэтессе Эдне Сент-Винсент Миллей. – Примеч. ред.

¹⁰ Кэмпбелл Дж. Мифы, в которых нам жить. С. 97.

¹¹ Высказывание приписывается Гаю Саллюстию Криспу (86/85–35 годы до нашей эры). См.: Саллюстий. О богах и мире.

¹² Вольный авторский перевод цитаты Дж. С. Милля: «A person is not likely to be a good political economist, who is nothing else». Цит. по: Mill J. S. *Essays on Ethics, Religion and Society* // Collected Works of John Stuart Mill. Vol. 10. P. 306.

¹³ Nelson R. H. *Economics as religion*. P. 38.

Экономика добра и зла

Вся экономика в конечном счете является экономикой добра и зла. Это изложение историй людьми людям о людях. Даже самая сложная математическая модель де-факто является сказанием, притчей, нашей попыткой (рационально) понять окружающий мир. Я постараюсь показать, что вплоть до сегодняшнего дня история, рассказанная при помощи экономических механизмов, по существу остается историей о «хорошей жизни», которую мы позаимствовали из античных времен и древнееврейских традиций. А также то, что математика, модели, формулы и статистика представляют собой лишь вершину айсберга экономического мышления, скрывающего в себе все остальное, а споры в экономике являются скорее войной мифов и разных метанарративов, нежели чем-то иным. Люди сегодня так же, как всегда, прежде всего хотят выяснить у экономистов, что такое хорошо и что такое плохо.

Нас, экономистов, приучали избегать оценочных суждений и взглядов по данному вопросу. И все же, несмотря на утверждения учебников, экономика по существу является нормативной дисциплиной. Она не только описывает мир, но и часто показывает, каким мир должен быть (эффективным, идеалом совершенной конкуренции и быстрого роста ВВП при низкой инфляции, с высокой конкурентоспособностью и т. д.). Таким образом, мы создаем модели, современные притчи, которые, однако, нереальны и имеют мало общего с *настоящим миром*. Возьмем простой пример: когда экономист в телевизоре отвечает на безобидный с виду вопрос, насколько высока инфляция, из этого логически вытекает следующий (который экономист добавит, без сомнения, сам), а именно: такой уровень инфляции – это *хорошо* или *плохо* и не *должен ли он быть* выше или ниже? И даже при выстраивании ответа на подобный чисто технический вопрос участники дискуссии начнут немедленно говорить о *добре и зле* и использовать *оценочные* суждения: уровень *должен быть* ниже (или выше). Потому что, «если бы экономика действительно ничего не оценивала, было бы логичным предположить, что те, кто ею занимаются, просто выдумали всю систему экономического мышления»¹⁴. Мы знаем: это не так, и должны признать, что экономика на самом деле наука прежде всего нормативная.

По Милтону Фридману («Очерки позитивной экономики»), экономика *должна быть* позитивной наукой, ничего не оценивающей, а описывающей мир таким, каков он есть, а не каким должен быть. Но ведь сама фраза «экономика *должна быть* позитивной наукой» есть *нормативное утверждение*: рекомендация описывать мир не таким, каков он есть, а таким, каким он должен быть. Экономика по своей сути наука не позитивная. Если бы это было так, нам бы не пришлось прилагать никаких усилий для того, чтобы она таковой стала. «Конечно, большинство ученых и значительная часть философов используют позитивистское учение с тем, чтобы избежать необходимость рассматривать ставящие в тупик фундаментальные вопросы, короче – для того, чтобы избежать метафизики...»¹⁵ Между прочим, не исповедовать никакие ценности – само по себе ценность, что для экономистов очень даже знаменательно. Парадокс в том, что дисциплина, изучающая в первую очередь ценности, пытается от них избавиться. Но тут есть и еще одно противоречие: наука, *верящая в невидимую руку рынка*, хочет избавиться от всякой таинственности.

В этой книге я буду ставить следующие вопросы: существует ли вообще экономика добра и зла? выгодно ли добро, или оно существует вне рамок экономических расчетов? свойственен ли людям эгоизм от рождения? может ли он быть оправдан, пока служит общему благу? Такие вопросы стоит задавать лишь в том случае, если экономика действительно имеет глубокий

¹⁴ Nelson R. H. *Economics as religion*. P. 132.

¹⁵ Уайтхед А.Н. Приключения идей. С. 169–170.

смысл, а не представляет собой некую эконометрическую модель, в соответствии с которой происходит механическое распределение ресурсов.

Кстати, не надо бояться таких категорий, как «добро» и «зло». Используя их, мы вовсе не пытаемся морализировать. Каждый из нас имеет свой этический кодекс и поступает в соответствии с ним. Аналогичным образом каждый верит во что-то определенное (и атеизм – вера). Точно так же дело обстоит и с экономикой. Как говорил Джон Мейнард Кейнс, «люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого... Но рано или поздно именно идеи, а не корыстные интересы становятся опасными и для добра, и для зла»¹⁶.

¹⁶ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. С. 458.

О чем эта книга: метаэкономика

Книга разделена на две части. В первой из них мы найдем отголоски экономики в мифах, религиях, теологии, философии и науке. Во второй части мы будем искать следы мифов, религий, теологии, философии и науки в экономике.

Чтобы найти ответы на поставленные вопросы, нам придется пройти по всей истории человечества, от начала нашей культуры до сегодняшней эпохи постмодернизма. Мы не ставим себе задачу изучить каждое мгновение, способствовавшее изменению экономического понимания мира постоянно сменяющимися поколениями (включая наше). Мы будем обращать внимание либо на отдельные исторические эпохи (век Гильгамеша, эра иудеев или христиан), либо на выдающихся личностей, оказавших ключевое влияние на развитие понимания человеком экономики (Декарт, Мандевиль, Смит, Юм, Милль и другие). Наша цель – по-новому рассказать историю экономики.

Иными словами, постараться проследить развитие *ее духа*. Прежде чем приступить к экономическим размышлениям, мы зададим некоторые вопросы; они будут либо философскими, либо отчасти историческими. Так мы доберемся до области, расположенной на самой границе экономики, а часто даже и за ней. Эту зону мы можем назвать, например, *протоэкономикой* (термином, заимствованным у протосоциологии) или, еще точнее, *метаэкономикой*¹⁷ (термином из метафизики). В этом смысле «экономическое учение, если оно не дополнено и не завершено учением метаэкономики, остается слишком узким и отрывочным, чтобы привести к верным выводам»¹⁸. Самые важные элементы культуры или интересующей нас области исследований – экономики – к примеру, можно найти в *фундаментальных предположениях*, от которых, сами того не сознавая, отталкиваются приверженцы различных систем. Людям, которые мыслить по-другому уже просто не в состоянии, отмечает Альфред Н. Уайтхед в своей книге «Приключения идей», собственные догадки представляются настолько очевидными, что они начисто забывают, что, собственно говоря, это были всего лишь предположения.

Что мы на самом деле творим? И почему? Можем ли мы (из этических соображений) делать все, что нам (с технической точки зрения) позволено? И в чем же цель экономики? К чему все эти усилия? Во что мы в действительности верим и откуда (это чаще всего неизвестно) наша вера происходит? Если «наука есть система убеждений, которой мы приобщены»¹⁹, то о чем, собственно, идет речь? Так как сегодня экономика превратилась в ключевую дисциплину, объясняющую и меняющую мир, настало время задать все эти вопросы.

Мы попытаемся, немного на постмодернистский лад, взглянуть на метаэкономiku с точки зрения философии, истории, антропологии, культуры и психологии. Моя цель – показать, как изменялось восприятие экономики человеком, и поразмышлять над этим. Почти все главные понятия и концепции, которыми экономика (осознанно или нет) оперирует, имеют длинную историю, их истоки лежат полностью за границами интересующей нас дисциплины и часто даже вне науки как таковой. И потому давайте попытаемся исследовать, как зарождалась экономическая вера, как развивались ее основные идеи и как они влияли на хозяйственную политику.

¹⁷ Термин «метаэкономика» впервые использовал Карл Менгер в 1934 году в своей статье «Закон убывающей полезности. Исследование по метаэкономике». «Когда он впервые использовал термин “метаэкономика”, он вовсе не задумывался над тем, как снова привнести этику в экономику. Он, скорее, хотел вписать экономику, а вместе с ней и этику в когерентную логическую схему без возникновения связи между ними» (Becchio G. *Unexplored Dimensions*. P. 30).

¹⁸ Шумахер Э. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение. С. 72–73.

¹⁹ Полани М. Личностное знание. С. 246.

Все цвета экономики

Я утверждаю, что экономисты мейнстрима растеряли большинство красок науки и уцепились за черно-белый культ *homo oeconomicus*, игнорирующий вопросы добра и зла. Мы просто крепко закрыли глаза и остались, таким образом, слепы к самым главным движущим силам человеческих поступков.

Я также уверен, что мы можем почерпнуть из мифов, религий и творчества поэтов и философов никак не меньше, чем из строгих точных математических моделей экономического поведения. Хотя нас всегда учили, что экономика есть наука, существующая в отрыве от общепринятых ценностей, я утверждаю: это неправда. Экономика должна искать, находить и выносить на свет божий свои собственные ценности, и в ней самой мы можем обнаружить гораздо больше отголосков религий, мифов и архетипов, чем в математике. Я утверждаю, что в сегодняшней экономике слишком много внимания уделяется методу в ущерб сущности. Утверждаю, а также хочу доказать, что и экономистам, и широкой публике важно изучать разнообразнейшие источники информации – «Эпос о Гильгамеше», Ветхий Завет, слова Иисуса или идеи Декарта, к примеру. Результаты, к которым мы пришли благодаря подобному способу мышления, станут понятнее, если мы проследим, как это мышление развивалось исторически, с самого начала, когда было более прозрачным, – так нам будет легче докопаться до подлинных первооснов наших идей. Только таким путем мы сможем выявить свои собственные основные (экономические) ценности, скрывающиеся в запутанных сетях современного общества, все больше укореняющиеся в них, но остающиеся при этом незамеченными.

Для того чтобы человек был хорошим экономистом, он должен быть к тому же либо неплохим математиком, либо замечательным философом, а лучше – и тем и другим. В изысканиях мы позволили математике выйти на первое место и подавили гуманное начало. Так мы получили искаженные искусственные модели, от которых нет никакого толку в реальном мире.

Именно поэтому важно изучать метаэкономику. Нам следует заглянуть за занавес экономики и выяснить, какие ценности скрываются «за кулисами», какие идеи стали доминантными, хотя зачастую и не высказанными, предпосылками наших теорий. Изучаемая наука содержит удивительно большое количество не замечаемых нами тавтологий. Я утверждаю, что господствующий сегодня в ней неисторический подход однозначно неверен: для понимания поведения человека более важным является изучение формирующих наше мышление идей в их развитии.

Эта книга должна внести свой вклад в затяжную схватку между нормативной и позитивной экономикой. Я утверждаю, что в роли, которую в древности играли нормативные мифы и притчи, сегодня выступают научные модели. В этом нет ничего плохого, мы просто должны это признать.

Человечество пыталось разобраться в экономических вопросах задолго до Адама Смита. Его работы, в которых сформулированы принципы, лежащие в основе экономики, были кульминацией их поисков, а не началом. Современный экономический мейнстрим, представители которого объявляют себя наследниками шотландского ученого, полностью игнорирует этику. Вопросы добра и зла преобладали в классических дискуссиях, сегодня же просто говорить о них считается ересью. Далее я утверждаю, что общепринятое толкование работ Адама Смита является по меньшей мере некорректным. Его вклад в экономику значительно шире и весомее, чем предложенная им концепция невидимой руки рынка и появление эгоцентричного *homo oeconomicus* (хотя сам Смит этот термин никогда не использовал). Его вклад заключался в постановке этических вопросов. Остальные идеи Адама Смита, если говорить о специализации или невидимой руке рынка, были разработаны и сформулированы в том или ином виде

задолго до него. Их следы можно найти уже в «Эпосе о Гильгамеше», в учении иудеев и в христианстве, в произведениях Аристофана и трудах Фомы Аквинского.

Я утверждаю, что пришло время переосмыслить наш экономический подход, так как именно сейчас, во время долгового кризиса, у людей появился интерес к этим вопросам, и они готовы прислушиваться. Несмотря на то что в нашем распоряжении есть сложные экономические модели, я утверждаю, что мы так ничего и не вынесли из самых простых преданий, рассказанных нам в воскресной школе, например из истории об Иосифе, фараоне и семи тощих и толстых коровах. Думаю, следует пересмотреть наши взгляды, направленные исключительно на рост. И в этом случае экономика станет прекрасной наукой, которой есть что сказать широкой публике.

В определенном смысле разговор пойдет о формировании концепции *homo oeconomicus* и прежде всего о связанной с ней истории *animal spirits*. В этой книге будет сделана попытка проследить развитие рациональных, эмоциональных и, для полноты картины, иррациональных сторон человеческой личности.

Границы любознательности

Если экономика берет на себя смелость применять свой образ мышления в областях, традиционно относящихся к религиоведению, социологии или политологии, то почему бы не отправиться против течения и не посмотреть на нее с точки зрения этих наук? Если дисциплина, изучающая производство, распределение и потребление товаров, отваживается объяснять работу церкви или анализировать семейные узы (что зачастую помогает многое понять), то почему бы ее саму не рассмотреть как систему религиозных или межличностных отношений? Иными словами, почему бы не попробовать взглянуть на экономику антропологически?

В таком случае мы в первую очередь должны добраться до самых ее границ, а еще лучше – выйти за них. Или, используя сравнение Витгенштейна²⁰: так же, как глаз смотрит вокруг, но не на самого себя, – для исследования объекта от него надо отдалиться, а если это невозможно, то следует изучать его отражения. В книге будут использованы зеркала антропологические, мифические, религиозные, философские, социологические, психологические – вообще любые, какие только потребуются.

В этом месте стоит сделать пару замечаний. Прежде всего следует отметить, что если мы посмотрим на свое отражение в чем угодно вокруг, оно вернется к нам в виде разнородных и не связанных между собой образов. Эта книга не собирается предлагать их полностью интегрированную систему – уже исходя хотя бы из того, что таковой вообще не существует. Мы будем заниматься исключительно наследством, доставшимся нам от нашей западной культуры и цивилизации, игнорируя при этом остальные (например, конфуцианство, ислам, буддизм, индуизм и многие другие, которые на самом деле могли бы дать пищу для размышлений). Кроме того, мы не будем заниматься, к примеру, разнообразной шумерской литературой. В сфере наших интересов – идеи иудеев и христиан, касающиеся экономики, но не теологические системы древности или средневековья. Наша цель – выделить ключевые воздействия и революционные концепции, сформировавшие сегодняшний экономический *modus vivendi*. Оправданием столь обширному и кажущемуся бессвязным содержанию может быть мысль, что «допустимо все...»²¹ Мы даже представить себе не можем, что послужит источником вдохновения для будущего развития нашей отрасли знаний.

Следующее замечание касается возможных упрощений или искажений в пограничных областях знаний, кажущихся автору экономически важными, но целиком лежащих в сфере интересов других дисциплин. Наука сегодня с удовольствием прячется в башне из слоновой кости, сложенной из математики, латинского и греческого языков, истории, аксиом и иных обрядов инициации, чтобы ученые могли наслаждаться незаслуженным спокойствием и свободой от критики со стороны специалистов из других областей знаний или общественности. Наука, однако, должна быть открытой, а в обратном случае, как метко отмечает Пол Фейерабенд, она превращается в элитарную религию для посвященных, которая внешне, по отношению к общественности, ярко демонстрирует свою тоталитарную сущность. По словам американского экономиста чешского происхождения Ярослава Ванека, «к несчастью или счастью, наше любопытство не ограничено рамками нашей профессиональной специализации»²². В конце концов, если знания, почерпнутые в этих пограничных областях, иницируют новые экономические идеи или приведут к дискуссиям, то существование настоящего сочинения более чем оправдано.

²⁰ См.: Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. 5.633.

²¹ «Не существует идеи, сколь бы устаревшей и абсурдной она ни была, которая не способна улучшить наше познание» (Фейерабенд П. Против методологического принуждения. С. 179).

²² Vanek J. *The Participatory Economy*. P. 7.

Данная книга не должна быть толкованием истории философии или экономики. Автор, скорее, ставит перед собой цель дополнить некоторые их главы более широкой перспективой и анализом влияний, которые могут и должны были бы привлечь внимание большего количества людей, но часто остаются вне поля зрения экономистов.

В этом месте стоит предупредить, что текст содержит великое множество цитат. Главная причина, возможно, в том, что изложение ценных идей древности словами самих мыслителей тех эпох обеспечит им (идеям) большую достоверность. Если бы мы их лишь пересказывали, то аутентичность и дух времени полностью бы испарились, а это была бы большая потеря. Также сноски дают тому, кто заинтересуется, возможность более глубоко изучить представленные проблемы.

Содержание: семь эпох, семь тем

Книга разделена на две части, и в первой из них соблюден хронологический принцип. В этой части мы сделаем семь исторических остановок, посвященных семи темам, которые будут обобщены в более короткой второй части, пожинающей плоды первой и интегрирующей их. В этом смысле книга немного напоминает матрицу: тема может рассматриваться в контексте истории или самой себя, а также с обоих углов зрения сразу. Ниже перечислены вопросы, которые мы будем изучать.

Быстро и алчно: история потребления и труда

Здесь мы оттолкнемся от первобытных мифов, в которых труд фигурирует как изначальная миссия человека, как радость, а затем (через алчность) позиционируется как проклятие. Бог или боги предают анафеме труд (Книга Бытия, греческие мифы), особенно чрезмерный (Гильгамеш). Обсудим зарождение желания, вождения – спроса. Изучим различные взгляды на аскетизм. Увидим, что изначально доминировало августинское презрение к миру. Затем эстафету принял Фома Аквинский, вернувший маятник на место, и, таким образом, материальный мир вновь укрепил свои позиции. После эпохи Аквинского опять доминировало радение о душе, а стремления и потребности тела считались преступными. Позднее маятник качнулся в сторону потребительского индивидуалистически-утилитарного направления. Человек тем не менее с самого начала проявлял себя как естественно неестественное создание, по каким-то непонятным причинам окружающее себя излишним имуществом. Материальная и духовная алчность являются основными человеческими метасвойствами, проявляемыми людьми уже в древнейших мифах и историях.

Прогресс (природа и цивилизация)

Сегодня мы опьянены идеей прогресса, хотя изначально такой мысли не существовало вовсе²³. Время было цикличным, и никто не ожидал от человечества никаких подвижек в развитии. Затем пришли евреи с линейным пониманием протекания всех существующих процессов бытия, а вскоре за ними и христиане выработали (или же просто усовершенствовали) идеал, к которому мы по сей день стремимся. После них классические экономисты секуляризовали прогресс. Как же мы дошли до сегодняшнего прогресса ради прогресса, роста ради роста?

Экономика добра и зла

Займемся ключевым вопросом: добро (экономически) выгодно? Для начала обратимся к «Эпосу о Гильгамеше», где, похоже, патетики добра и зла не были связаны между собой; с другой стороны, в мышлении иудеев, как все объясняющий фактор, господствовали именно этика и мораль. Античные стоики не смели стремиться к удовольствиям, а гедонисты, наоборот, верили, что именно наслаждение является главной добродетелью, высшим благом и целью жизни. Христианская философия разорвала четкую причинно-следственную связь между добром и злом, используя понятие божественной милости, а расплату за содеянное перенесла в жизнь посмертную. Эта тема ярко представлена у Мандевилля и Адама Смита в знаменитом сегодня споре о частных пороках, творящих общественное благо. Позже Джон Стюарт Милль и Джереми Бентам построили свои идеи утилитаризма на подобном гедонистическом принципе (правда, коллективном). Через всю историю этики проходит стремление создать образец

²³ Идеал социологов – классическое (деревенского уклада) общество, идеал психологов – гармоничное сочетание привнесенных воспитанием, культурой, цивилизацией и животных, врожденных черт личности. Однако их идеалы в прошлом, а отношение к развитию/прогрессу весьма скептическое. И только у экономистов, единственных из представителей общественных наук, такой идеал – в будущем.

правил нравственного поведения. В заключительной главе мы продемонстрируем тавтологию *Max Utility* (*MaxU* — максимизации полезности) и обсудим концепцию *Max Good* (*MaxG* — максимизации блага).

История невидимой руки рынка и *homo oeconomicus*

Насколько стара идея невидимой руки рынка? За какое время до Адама Смита была известна эта концепция? Попробуем показать, что ее прообразы есть почти всюду. Идея того, что мы можем использовать наш естественный эгоизм (считающийся злом) во благо, является частью древней философии. Также мы рассмотрим развитие концепции *homo oeconomicus* — рождение «человека экономического».

История *animal spirits*: мечты никогда не спят

В этой главе мы исследуем другую сторону человеческой личности — непредсказуемую, часто *иррациональную* и архетипичную. Архетип героя влияет на наш *animal spirits* (некую оборотную сторону рациональности) и представление о том, что такое хорошо.

Метаматематика

Откуда в экономике взялось представление о числе как основе основ всего сущего? Здесь мы попытаемся показать, как и почему она стала механически-распределительной дисциплиной. Из чего исходит наша уверенность, что математика — наилучший инструмент для описания мира (включая социальные взаимодействия)? Является ли она настоящим каркасом экономики или только верхушкой айсберга, просто глазурью на торте наших исследований?

Носители истины

Чему верят экономисты? Какую религию они исповедуют? И какова природа истины? Мы стремимся избавить науку от мифов уже со времен Платона. Позитивна экономическая наука или нормативна? Первоначально истина жила в стихах и историях, сегодня мы воспринимаем ее как нечто гораздо более научное, математическое. Куда идти за истиной? И кто сегодня является ее «носителем»?

Практические вопросы и определения

Если мы в этой книге говорим об *экономике*, то имеем в виду мейнстрим, лучше всего, вероятно, представленный Полом Самуэльсоном. Под *homo oeconomicus* мы подразумеваем изначально сложившееся в экономической антропологии понимание его как ведомой чисто эгоистическими мотивами разумной личности, принимающей решения, направленные на максимизацию своей выгоды. Оставим в стороне вопрос, является ли экономика или нет (в истинном смысле слова) наукой. Если иногда мы относим ее к дисциплинам общественным, то чаще всего подразумеваем область хозяйствования. Сферу интересов самой экономики мы понимаем в более широком смысле, чем только производство, распределение и потребление товаров и услуг. Мы считаем, что она должна заниматься изучением человеческих отношений, которые в некоторых случаях можно выразить с помощью чисел; она должна быть наукой, исследующей как то, что может быть товаром, так и то, что товаром не является (дружба, свобода, эффективность, рост).

В жизни я получил богатый опыт, работая по трем весьма различным направлениям. Много лет моя деятельность была связана с университетом, где я учился, вел исследования и преподавал теоретическую экономику (и занимался при этом метаэкономическими дилеммами). Достаточно долго я был также экономическим советником (по вопросам реализации хозяйственной политики) бывшего президента Чешской Республики Вацлава Гавела, министра финансов и даже премьера. Кроме этого, моей обязанностью и (главным образом) отрадой является регулярная подготовка статей для газеты *Hospodářské noviny*²⁴. Обращаясь к широкой читательской аудитории, я пишу свои заметки как о практических, так и о философских аспектах экономики (стараясь при этом отдельные темы упростить, уточнить и предложить нетрадиционную точку зрения). Эти три сферы деятельности показали мне достоинства и недостатки различных взглядов на любимую мною науку. Эта тройственность (в чем смысл экономики? Как ее можно использовать практически? И как понятно увязать ее с другими дисциплинами?) сопровождает меня постоянно. Я не знаю, хорошо это или плохо, но данная книга и есть результат моих размышлений.

²⁴ «Экономическая газета» – популярная чешская газета. – Примеч. пер.

Часть I

Древнейшая экономика

*Гильгамеш! Куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, не найдешь ты!
...Днем и ночью да будешь ты весел...*
«Эпос о Гильгамеше»

1 «Эпос о Гильгамеше»

Об эффективности, бессмертии и экономике дружбы

«Эпос о Гильгамеше» был написан в Месопотамии более четырех тысяч лет тому назад²⁵ и является самым старым литературным произведением – древнейшей реликвией подобного рода, доступной сегодня. Причем реликвией человечества в целом²⁶, а не только нашей цивилизации. Позднее эпос вдохновил людей на создание немалого количества историй, в более или менее переработанном виде доминирующих – если говорить, к примеру, о потопах или поисках бессмертия – и сегодня. Но и в том старинном сказании уже играет важную роль тематика, считающаяся сегодня экономической, и если мы хотим отправиться по следам интересующих нас вопросов, то нам стоит углубиться в историю, где эпос является своего рода закладным камнем, отправной точкой для возможного поиска ответов.

От времен, предшествующих описанным в эпосе событиям, остались лишь фрагменты материальных памятников, а из письменных свидетельств – только обрывки текстов, касающиеся хозяйственных дел, дипломатии, военных побед, магии и религии²⁷. Как (несколько цинично) отмечает историк экономики Нил Фергюсон, «это своего рода напоминание: первый человек, решивший оставить письменные свидетельства о своей жизни, был вовсе не поэтом, историком или философом. Он был бизнесменом»²⁸. «Эпос о Гильгамеше», однако, свидетельствует об обратном: хотя заметки на первых найденных *фрагментах* глиняных табличек, датируемых тем временем, возможно, и касались *торговли и войны*, но первый записанный *рассказ* посвящен прежде всего великой дружбе и приключениям. Что удивительно, в нем нет упоминаний о деньгах или войне; во всем эпосе даже нет описаний процессов купли и продажи²⁹. Ни одна нация не завоевывает другую, никто никого не убивает, мы не встречаем даже намека

²⁵ Самая старая шумерская версия эпоса датируется временем до третьей династии Уру – периодом 2150–2000 годов до нашей эры. Более новая, аккадская версия датируется границей второго и первого тысячелетий до нашей эры. Стандартная аккадская версия, перевод которой здесь используется, была найдена в библиотеке в Ниневии и датируется периодом между 1300 и 1000 годами до нашей эры. Под «Эпосом о Гильгамеше» в данной книге понимается его «стандартная» одиннадцатитабличная аккадская версия, которая не содержит описания спуска Гильгамеша в подземный мир, присоединенного позднее, с двенадцатой глиняной табличкой, но в то же время включает встречу с Утнапишти на таблице одиннадцатой и разговор с Иштар на таблице шестой. Действие происходит на территории сегодняшнего Ирака.

²⁶ Самая старая письменность была создана шумерами, письменности других культур (например, индийской или китайской) более молодые. Индийские «Веды» датируются приблизительно 1500 годом до нашей эры, так же как и египетская «Книга мертвых». Старые части Ветхого Завета были записаны между IX и VI веками до нашей эры, «Илиада» и «Одиссея» происходят с VIII века, «Беседы» Платона и Аристотеля – с IV века. Китайская классика (например, Конфуций) датируется периодом до III века до нашей эры. Арабская литература появляется в VI веке нашей эры.

²⁷ Kratochvíl Z. *Mýtus, filosofie, věda*. P. 11.

²⁸ Фергюсон Н. Восхождение денег. С. 37.

²⁹ Точно так же, как и в (нашем собственном) современном эпосе (мифе, истории, сказке): так, в трилогии «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкиена деньги никакой роли не играют. «Трансакции» происходят в форме даров, боев, обмана, трюков или грабежа. См.: Bassham G., Bronson E. *The Lord of the Rings and Philosophy*. P. 65–104.

на угрозу насилия – слово «враг» в эпосе отсутствует. Это история о природе и цивилизации, о героизме, восстании против богов и борьбе с ними, о мудрости, бессмертии, а также и о нравственности.

Несмотря на всю важность данного текста, внимания экономистов он не привлек. В экономической литературе об эпосе вообще не упоминается³⁰. При этом именно в нем мы найдем первые экономические размышления нашей цивилизации, зарождение таких привычных для нас понятий, как, например, рынок и его невидимая рука, проблемы использования природного богатства и стремление к максимизации эффективности. В старейшем сохранившемся литературном произведении также появляются размышления о роли чувств, понятие прогресса и естественного состояния и связанная с возникновением городов тема разделения труда.

Предпримем первую несмелую попытку понять «Эпос о Гильгамеше» с экономико-антропологической точки зрения. Для начала коротко изложим саму историю (подробно проработаем ее позднее). Гильгамеш, правитель города Урук, является сверхчеловеком-полубогом: «На две трети он бог, на одну – человек он»³¹. Эпос начинается с описания совершенной, потрясающей и нерушимой стены, которую Гильгамеш возводит вокруг города. В наказание за безжалостное обращение с работниками и подданными боги посылают к нему дикаря Энкиду, который должен остановить Гильгамеша. Однако они подружились, создали непобедимую пару и вместе совершают героические поступки. Под конец Энкиду умирает, а Гильгамеш отправляется на поиски эликсира бессмертия. Преодолев много препятствий и ловушек, он будет в шаге от цели, но бессмертия так и не обретет. Конец рассказа возвращает нас туда, откуда он начался, – к песне, прославляющей великолепную урукскую стену.

Непродуктивная любовь

Стремление Гильгамеша построить не имеющую аналога стену служит завязкой всей истории. Производительность своих подданных Гильгамеш стремится повысить любой ценой, даже ограничивая их в общении с семьями. Люди жалуются на это богам:

По спальням страшатся мужи Урука:
«Отцу Гильгамеш не оставит сына!
...Матери Гильгамеш не оставит девы,
Зачатой героем, суженой мужу!»³²

Принцип такой далекий и в то же время такой близкий. И сегодня мы часто живем в соответствии с представлениями Гильгамеша, считавшего человеческие отношения – и даже саму человечность – отрицательно влияющими на усилия работников и уверенного в том, что люди работали бы производительнее, если бы не расходовали свое время и энергию непродуктивно. Мы продолжаем полагать, что *человечность* (человеческие отношения, любовь, дружба,

³⁰ Никакой поиск нельзя считать абсолютно полным, но в процессе относительно подробного изучения обычных архивов *EconLit* (которые являются самой полной и, несомненно, самой уважаемой базой данных экономической литературы нашего времени) автору не удалось найти ни одной книги, главы книги или академической статьи, которые бы рассматривали «Эпос о Гильгамеше» с экономической точки зрения. В связи с этим мы сознаем, что попытка взглянуть на самый старый письменный источник под новым углом обречена на неудачи, упрощения, противоречия и неточности первых раскопок.

³¹ Эпос о Гильгамеше. Табл. I. II, 1. С. 166.

³² Там же. Табл. I, 11–12, 17–18. С. 167. Крепостная зависимость имеет прямую связь с возникновением города как такового – окружающие его земли управляются горожанами именно оттуда: «Деревенские жители теперь находились на достаточно далеких расстояниях друг от друга; уже не близкие родственники, они приравнивались к предметам, их жизни контролировались и направлялись военными и государственными чиновниками, управителями, визирями, мытарями, солдатами, ответственными за контроль над ними перед царем» (Mumford L. *The City in History*. P. 41 (перевод С. Заславского)).

искусство) непродуктивна, возможно за исключением репродукции, являющейся продуктивной в прямом смысле слова.

Такое стремление максимизировать эффективность любой ценой, усиление экономического за счет человеческого унижает индивидуума, лишает его всего богатства чувств и превращает в производственную единицу. Красивое, изначально чешское слово *robot*³³ выражает эту трансформацию почти идеально: особа, униженная до положения простого работника, становится элементарным роботом. Как кстати пришелся бы эпос Карлу Марксу, который легко мог бы использовать его в качестве доисторического примера эксплуатации и отчуждения личности от семьи и себя самого!³⁴

Владеть безотказным работником всегда было мечтой тиранов. Каждый деспот видит в семейных и дружеских отношениях конкурента эффективности. Стремление принизить роль человека до простой единицы производства и потребления (экономике ничего больше и не требуется, что, к нашему огорчению, прекрасно демонстрирует модель *homo oeconomicus*, который таковым и является)³⁵ ясно прослеживается в предупреждающих социальных утопиях или, точнее, дистопиях. Платон, например, в своем идеальном государстве лишал родителей права воспитывать детей: их должны были сразу после рождения передавать в специальные институты³⁶. Нечто подобное есть в романах О. Хаксли «О дивный новый мир» и Дж. Оруэлла «1984»: в обоих человеческие отношения или чувства (а в конце концов и любые проявления личности) запрещены и строго наказуемы. Любовь, так же как дружба, «не нужна» и непродуктивна. Для тоталитарной системы они могут быть даже деструктивны (что хорошо видно в романе «1984»)³⁷. Дружба с экономической точки зрения не является необходимой, без нее общество и индивидуум могут жить. Как подчеркивает К. С. Льюис, «дружба бесполезна и не

³³ Понятие «робот» впервые использовал в 1920 году Карел Чапек в своей научно-фантастической пьесе «Р. У. Р.» («Росумские Универсальные Роботы»), повествующей о бунте искусственных существ, созданных с целью заменить человека на работе. Первоначально Чапек хотел назвать их «лаборжи» (от слова labour – «труд»), но его брат Йосиф придумал более подходящее слово: «робот», производное от слова robota («барщина»). – *Примеч. пер.*). Подобный же мотив найдем в трилогии «Матрица» (да и в подавляющем большинстве современных мифов): нечто, сотворенное для службы нам, в конце концов подчиняет нас. То, что должно было дать свободу (в данном случае – от физического труда: такова первоначальная роль роботов), в конце концов делает из нас рабов.

³⁴ Маркс выразил это унижение человека еще эмоциональней: «Люди здесь всего лишь живая принадлежность всего лишь бессознательной, но единообразно действующей системы машин» (Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов. С. 511–512). См.: Rich A. *Etika hospodářství*. P. 52. Обратите внимание, что сегодня в экономических моделях мы воспринимаем человека через труд (L – labor) или как human capital (H), как будто бы человек действительно есть ресурс, подобный природным (*natural resources*) или финансовым (капитал, *financial resources*) ресурсам.

³⁵ Homo oeconomicus, или «человек экономический», есть концепция, в которой человек ведет себя рационально на основе своих эгоистических интересов для достижения собственных субъективных целей. Это понятие впервые использовали критики экономиста Джона Стюарта Милля как упрощенную модель обычного человеческого поведения. Милль утверждал, что в глазах политической экономии «характер человека не зависит ни от его социального положения, ни от роли, играемой им в обществе. Индивидуум рассматривается лишь как существо, которое стремится к богатству и способно судить о сравнительной стоимости средств, необходимых для достижения этой цели» (Mill J. S. *Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy*. 1844. P. 137). Модель homo oeconomicus является весьма спорным упрощением человеческого поведения и подвергается сильной критике, в том числе со стороны некоторых экономистов.

³⁶ «...Всё рождающееся потомство сразу же поступает в распоряжение особо для этого поставленных должностных лиц... младенцев, родившихся от худших родителей или от родителей, обладающих телесными недостатками, они укроют, как положено, в недоступном, тайном месте... Лучшие мужчины должны большей частью соединяться с лучшими женщинами, а худшие, напротив, с самыми худшими и что потомство лучших мужчин и женщин следует воспитывать, а потомство худших – нет, раз наше стадо должно быть самым отборным... Когда же и женщины и мужчины выйдут из возраста, назначенного для произведения потомства, я думаю, мы предоставим мужчинам свободно сходить с кем угодно...» (Платон. Государство. 459e–461c).

³⁷ Нужно подчеркнуть, что к этой теме возвращаются и в самых современных историях и мифах, например в фильмах «Матрица», «Остров», «Эквилибриум», «Гаттака» и других. Люди в них роботизированы (часто сами того не подозревая), являются рабами определенной производственной функции, а эмоции строго запрещены, что, возможно, лучше всего выражено в фильме «Эквилибриум» Курта Виммера.

нужна, как философия, как искусство, как тварный мир, который Бог не обязан был творить. Она не нужна жизни; она – из тех вещей, без которых не нужна жизнь»³⁸.

Современный экономический мейнстрим, к сожалению, очень близок именно к такой концепции. Модели неоклассической экономики понимают труд как *input* (материал) для производственной функции. Такая экономика не умеет встраивать человечество (а значит, индивидуума!) в свои рамки, зато люди-роботы подойдут к ней идеально. Как говорит Джозеф Стиглиц,

одной из самых больших «хитростей» (некоторые говорят «прозрений») неоклассической экономики является ее отношение к труду как к любому другому фактору производства. Результат описан как функция того, что на входе, – стали, оборудования и труда. Математика относится к целесообразной, сознательной деятельности человека, направленной на удовлетворение потребностей индивида и общества, как к обычному товару, внушая нам, что это заурядный предмет торговли – как, к примеру, металл или пластмасса. Но труд таковым не является. Условия работы на сталь никак не влияют; ее благополучие нас не волнует³⁹.

Вырубаем кедры

Существует, однако, и нечто иное, часто принимаемое за дружбу, для общества и экономики полезное или даже необходимое. И в самых ранних культурах присутствовало осознание ценности сотрудничества в процессе работы – мы бы сегодня назвали это коллегиальностью, товариществом или, если использовать дискредитировавший себя термин, *содружеством*. Эти не очень глубокие взаимоотношения нужны и обществу, и компании, так как взаимопонимание между людьми позволяет справляться с работой гораздо быстрее и эффективнее. Командная работа дает надежду на более высокую производительность, и для организации *тимбилдинга* даже нанимают специальных людей⁴⁰.

Но настоящая дружба – одна из центральных тем эпоса – сделана из абсолютно другого теста. Она, как ее метко описывает К. С. Льюис, не входит в систему экономических и биологических взаимоотношений, цивилизационно избыточна и вообще не нужна (в отличие от эротических взаимоотношений или материнской ласки, необходимых с точки зрения репродукции)⁴¹. Правда, в таких личных контактах между людьми, основанных на доверии, искренности, взаимных симпатиях и терпении, часто возникают – иногда непреднамеренно, как побочный продукт, как нечто внешнее, – мысли и чувства, изменяющие облик общества⁴². Дружья могут пойти против устоявшейся системы, тогда как у одиночки не хватает на это смелости.

Гильгамеш считает именно дружбу (и ни в коем случае не любовь) излишней и непродуктивной, пока сам не начинает испытывать дружеские чувства по отношению к Энкиду и не выясняет, что такие связи могут на многое повлиять. Прекрасный пример силы дружбы, пре-

³⁸ См.: Льюис К. С. Любовь. С. 603. Этого писателя часто цитирует экономист Дейдра Макклоски в своей книге «Буржуазные добродетели: этика эпохи коммерции» (McCloskey D. *Bourgeois Virtues: Ethics for an age of commerce*).

³⁹ Стиглиц Дж. Ю. Занятость, социальная справедливость и общественное благосостояние. С. 10.

⁴⁰ Теплые взаимоотношения между коллегами на рабочем месте для наших целей будем понимать как «малую дружбу». Точно так же, как для общества необходима «малая любовь», то есть хотя бы легкая симпатия между чужими людьми, так и фирма лучше работает, если ее сотрудники не находятся в состоянии постоянной войны друг с другом и между коллегами существует хотя бы «малая дружба». К проблематике симпатии, сплоченности, некой «малой любви» мы вернемся в главе, посвященной Адаму Смиту.

⁴¹ На тему любви и экономики см. также: McCloskey D. *The Bourgeois Virtues*. P. 91–147.

⁴² См.: Льюис К. С. Любовь. С. 602.

образующей (ломающей) систему и изменяющей самого человека, показан через отношения героев эпоса. Энкиду, посланный к Гильгамешу как божье наказание, становится его верным другом, и они вместе отправляются на борьбу с богами. Каждый из них не отважился бы на подобное в одиночку. Дружба помогает им выстоять в ситуациях, с которыми каждый из них в отдельности справиться бы не смог. В мифических драмах часто описывались сильные узы дружбы: друзья, «испытывающие страх и подбадривающие себя перед битвой, ищут утешение в своих мечтах и замирают перед неотвратимостью смерти»⁴³.

Связанный с Энкиду столь сильным чувством и общей решимостью, Гильгамеш забывает о строительстве охранной стены (оставив, таким образом, первоначальную наивысшую цель) и *покидает* город, свои безопасные стены, цивилизацию, знакомую ему обстановку (созданную им самим). Он уходит в дикую злую природу, дерзнув исправить миропорядок – убить Хумбабу, олицетворение зла.

Живет в том лесу свирепый Хумбаба, —
Давай его вместе уьем мы с тобою,
И все, что есть злого, изгоним из мира!
Нарублю я кедра, – поросли им горы...⁴⁴

Задержим на минутку наше внимание на рубке кедров. В Древней Месопотамии древесина считалась ценным сырьем. Походы за ней были весьма рискованны, и предпринимали их только самые отважные. В эпосе опасность таких экспедиций символизирует присутствие в лесу «Хумбабы, посланного Энлилем охранять кедровый лес от потенциальных злоумышленников, ищущих ценную древесину»⁴⁵. Отвагу Гильгамеша, таким образом, подчеркивает и само намерение вырубить кедровую рощу (а заодно, помимо всего прочего, добыть большое богатство).

Более того, кедр считался священным деревом, а кедровая роща была местом обитания бога Шамаша. Это означает, что благодаря сложившимся между Гильгамешем и Энкиду взаимоотношениям они решились противостоять самим богам и превратить священное дерево в обычный (строительный) материал, с которым можно обращаться как угодно, в том числе «порабощая», делая частью цивилизации то, что было частью дикой природы. Перед нами прекрасный протопример смещения границы между священным и мирским (светским) и в определенной степени иллюстрация идеи, что природа нужна для обеспечения города и человечества средствами производства⁴⁶, пищей, одеждой и т. д. «Вырубка кедров обычно рассматривается

⁴³ Balabán M., Tydlitátová V. *Gilgameš: Mytické drama o hledání věčného života*. P. 72.

⁴⁴ Эпос о Гильгамеше. Табл. II, III, 5–9. С. 175–176.

⁴⁵ George A. R. *The Babylonian Gilgamesh Epic*. P. 144.

⁴⁶ Во времена Гильгамеша к природе надо было подходить с благоговением, как к чему-то, человеку не принадлежащему, не им созданному и не подлежащему его контролю. Некоторые части природы считались «святыми» и были полностью неприкосновенны (запрет, который, между прочим, нарушил Гильгамеш). Такая защищенность становится все более редкой, но и сегодня мы можем найти современные «святые места», к которым эффективная невидимая рука рынка не смеет прикоснуться. Пример – парадокс нью-йоркского Центрального парка. В прямом и переносном смысле слова он окружен заоблачной эффективностью – мегаполисом, в котором каждый квадратный метр использован насколько возможно как вверх, так и в глубину. В этом месте можно напомнить, что и священные вавилонские башни, зиккураты, должны были «доходить» до неба. Их назначением, вероятно, была domestикация гор, на которых с незапамятных времен пребывали (неуправляемые и непредсказуемые) боги. Мы можем контролировать и управлять тем, что мы одомашнили или произвели, – в чем «разбираемся». Зиккурат был, очевидно, результатом усилий по перемещению природной возвышенности в город, сотворению ее человеческими руками и урбанизации. «Не в последнюю очередь именно пещера стала основанием для первой архитектурной концепции, эмоционально возвеличивая человека в его духовной устремленности к небу... Пирамиду, зиккурат, христианский склеп объединяет общность их происхождения, общий прообраз – горная пещера» (Mumford L. *The City in History*. P. 17. Перевод С. Заславского). Но вернемся в Нью-Йорк, город городов: что касается цен на участки, Центральный парк является – в денежном выражении – вероятно, самый дорогой природой в мире. Это «святое место» занимает 3,5 км², которые без регулирования, под влиянием чистых рыночных сил, уже давно поглотила бы городская застройка. Однако идея использовать хотя бы часть

как “культурный успех”, так как в Уруке не было древесины для строительства, и Гильгамеш, как можно предположить, обеспечил таким образом свой город ценным сырьем. Это деяние можно считать предзнаменованием наших “культурных успехов”, при которых не только деревья, но живые существа вымениваются на всевозможные утилитарные товары... Трансформация космического дерева в строительный материал является тем примером, данным нам Гильгамешем, которому мы усердно следуем»⁴⁷.

Здесь мы являемся свидетелями исторической перемены: люди начинают чувствовать себя естественней в неестественной городской среде, мы становимся созданиями естественно неестественными и неестественно естественными. Для жителей Месопотамии домом в полном смысле слова становится город, в отличие от евреев, являющихся изначально кочевым племенем (в чем мы убедимся позднее) и продолжающих жить в природе. Началось это именно в Вавилоне: человек переселяется в город, дающий ему крышу над головой, загородная природа становится только неким поставщиком сырья. Она перестала быть садом, для которого человек был создан, о котором обязан был заботиться и где должен был жить, она превратилась в простой источник природных ресурсов.

В части эпоса, повествующей нам о походе Гильгамеша и Энкиду за Хумбабой, скрыта еще одна причина, по которой Гильгамеш заслужил всяческие почести: легенды приписывают ему обнаружение нескольких колодцев в пустыне, облегчивших торговцам передвижение в древней Месопотамии. «Обнаружение всяческих колодцев и оазисов открыло дорогу через пустыню от Среднего Евфрата до Ливана, что означало революцию в дальних переходах по Верхней Месопотамии. Поскольку Гильгамеш традиционно считается первым, кто прошел этот путь в поисках кедрового леса, именно ему, что логично, приписывается заслуга открытия методов выживания, сделавших возможным путешествие через пустыню»⁴⁸.

Итак, Гильгамеш становится героем не только благодаря своей силе, но и благодаря открытиям и деяниям, значение которых было большей частью экономическим: в случае вырубки кедровой рощи – прямое получение строительных материалов, а также прекращение бесчинств Энкиду, разрушающих экономику Урука, и поиск и изучение новых путей через пустыню.

Человек: между животным и роботом

Покорение дикой природы было дерзким поступком, Гильгамеш отважился на него только благодаря дружбе с Энкиду. Восстание против богов тем не менее парадоксальным образом послужило первоначальному божественному плану: из-за дружбы с необузданным Энкиду Гильгамеш возненавидел строительство стены. Одновременно с этим он случайно, на собственном опыте, находит подтверждение своей догадки: *в действительности* именно человеческие отношения являются главной преградой ее возведению. Герой эпоса оставляет стену незаконченной и вместе со своим другом отправляется *за ее границы*. Отныне он ищет бессмертие не в строительстве стены, а в героических поступках, совершаемых вместе с другом, с которым его может разлучить только смерть.

Дружба меняет обоих. Гильгамеш превращается из холодного и ненавидимого многими тирана в человека с чувствами. Он забывает о своей гордости, оставшейся за совершенными

обширного участка под новое строительство ни у местных жителей, ни у городских чиновников никогда не возникала, и, таким образом, городу и его заоблачной эффективности вход в парк запрещен. И последнее замечание: не является ли, с точки зрения длительной перспективы, аномалией «сохранение» природы в Центральном парке, когда город повсюду кругом? Природа в городе не незваный гость, хотя сегодня все выглядит именно так. Это город является чужаком в природе.

⁴⁷ Heffernanová J. *Gilgamesh*. P. 8.

⁴⁸ George A. R. *The Babylonian Gilgamesh Epic*. P. 98.

урукскими стенами, и выбирает приключения в дикой природе вместе со своим *animal spirits*⁴⁹. Хотя Джон Мейнард Кейнс, который ввел этот термин в экономику и понимал под ним интуитивное стремление к действию или интерес к жизни, совершенно не обязательно имел в виду нашу звериную сущность, мы все-таки могли бы в этом контексте хоть немного порассуждать о животных составляющих нашего (псевдорационально-экономического) «я». К Гильгамешу переходит часть *животной* сущности его друга Энкиду (подавшись зову приключений, он отправляется из города в дикую природу и т. д.).

А изменения в Энкиду? Если Гильгамеш был символом почти божественного совершенства, цивилизации, а в глазах своих подданных (вместо которых он бы с большим удовольствием использовал механизмы) – оседлым городским тираном, то Энкиду изначально находился на совершенно противоположном полюсе. Он считался воплощением брутальности, неукротимости и дикости. Даже физически напоминал зверя: «Шерстью покрыто все его тело... Ни людей, ни мира не ведал»⁵⁰. В случае Энкиду дружба с Гильгамешем символизирует завершение процесса, при котором он становится человеком. Оба героя меняются – каждый с противоположной стороны, – превращаясь в людей.

В данном контексте будет полезным изучить психологический аспект рассказа: «Энкиду... является *alter ego* Гильгамеша, темной, животной стороной его души, наполнением беспокойного сердца. Когда Гильгамеш нашел Энкиду, из ненавистного тирана он превратился в защитника своего города... Через опыт дружбы оба титана очеловечились, из полубога и полужверя стали существами, подобными нам»⁵¹. Похоже, в каждом из нас сливаются две склонности. Одна – экономическая, рациональная, стремящаяся к контролю, максимизации, эффективности и т. д. Другая – дикая, животная, интуитивная, непредсказуемая и грубая. А человек находится где-то между ними или соединяет их в себе обе сразу. К этой теме мы еще вернемся во второй части книги.

Сикеру⁵² пей, суждено то миру

Как же Энкиду становится частью цивилизованного общества? Началом перевоплощения дикаря в приобщенного к культуре человека послужила поставленная ему Гильгамешем ловушка. Блудница Шамхат получила задание: «...Пусть сорвет она одежду, красы свои откроет»⁵³, а когда Энкиду через шесть дней и семь ночей соития встал, все уже было не так, как раньше...

Когда же насытился лаской,
К зверью своему обратил лицо он.
Увидав Энкиду, убежали газели,
Степное зверье избегало его тела.
Вскочил Энкиду, – ослабели мышцы⁵⁴,

⁴⁹ Под термином Кейнса *animal spirits* понимается душа, нечто, приводящее нас в движение, – интуитивное желание, дающее нашим поступкам смысл и энергию. Речь ни в коем случае не идет о некоем «животном духе», как иногда ошибочно считается.

⁵⁰ Эпос о Гильгамеше. Табл. I. II, 36, 38. С. 167.

⁵¹ Balabán M., Tydlitátová V. *Gilgameš: Mytické drama o hledání věčného života*. P. 72.

⁵² Сикёр (сикёра) – алкогольный напиток невинного происхождения; в чешском переводе эпоса вместо него использовано слово «пиво». – *Примеч. пер.*

⁵³ Эпос о Гильгамеше. Табл. I. С. 168.

⁵⁴ Для нас это звучит парадоксально: как в эпосе секс может быть чем-то, что Энкиду цивилизует и очеловечивает? Разве мы не считаем сексуальное влечение проявлением животного начала? В эпосе это чувство воспринимается иначе: хотя в большой степени сексуальные переживания и связаны с культом плодovitости, они, по существу, считались чем-то, возвышающим нас над звериным состоянием. Секс до определенной меры обожествлялся, на что указывает и роль

Остановились ноги, – и ушли его звери.
Смирился Энкиду, – ему, как прежде, не бегать!⁵⁵
Но стал он умней, разумением глубже...⁵⁶

Наконец Энкиду теряет свою животную сущность, так как его покидают «звери, что росли с ним в пустыне»⁵⁷. Его привели в город, одели, накормили хлебом и напоили сикерой:

Ешь хлеб, Энкиду, – то свойственно жизни,
Сикеру пей – суждено то миру!⁵⁸

Таким образом «уподобившись людям»⁵⁹, Энкиду оказался вовлечен в (специализированное) общество, посулившее ему то, что природа в своем первобытном состоянии предложить ему не могла. Он переселился за стену. Стал человеком. Это изменение необратимо, к своей прежней жизни Энкиду вернуться не может, так как «увидав Энкиду, убежали газели»⁶⁰. Человека, покинувшего лоно природы, она обратно уже не примет. «Природа, откуда (человек) когда-то вышел, останется снаружи, за стенами. Будет ему чужой и даже скорее враждебной»⁶¹.

Пришла *разумность*, но заплатил он за нее *утратой гармонии* — с природой и со своей сущностью. Подобный мотив *познания* (все равно, нравственного или технического), полученного ценой утраты гармонии, мы находим во всех основных культурах, формирующих нашу западную цивилизацию: и у иудеев (вкусение плода с дерева познания и, как следствие, изгнание из рая), и у древних греков (Прометей дарит людям *techné*, познание, а боги за это посылают Пандору с сосудом, полным зла). К этому мы вернемся во второй части книги.

Этот эпизод перерождения зверя в человека в старейшем из сохранившихся эпосов в неявном виде намекает нам на нечто важное – на то, что ранние культуры считали началом цивилизации. Здесь изображена разница между человеком и зверем или, еще точнее, дикарем. Эпос, таким образом, ненавязчиво описывает сотворение, пробуждение имеющего сознание цивилизованного человека. Мы являемся свидетелями эмансипации человеческого в животном. Из условий, где потребности удовлетворялись самостоятельно путем непосредственного использования природы без усилий по ее преобразованию, Энкиду перебирается в город, являющийся прототипом цивилизации и жизни в *искусственной* среде *вне* природы. «В дальнейшем он будет обитать в городе, в мире, сотворенном людьми; жить там богато, безопасно и

храмовых жриц, ублажающих себя и приходящих к ним людей (см. ниже). Подход человека к сексу действительно отличается от отношения подавляющего большинства существ: для удовольствия им в природе занимается лишь ограниченное число разновидностей животных: «...У некоторых млекопитающих половой акт и репродуктивная функция разделены, например, у бонобо (карликовых шимпанзе) и дельфинов» (*Даймонд Д. Почему нам так нравится секс. С. 5*). На то, что в нашем сознании сегодня эрос парадоксальным образом фигурирует как некое животное начало, обратила внимание и экономист Дейдра Макклоски, и она такое понимание критикует. См.: McCloskey D. *The Bourgeois Virtues*. P. 92.

⁵⁵ Между утратой естественного состояния и приобретением человеческих качеств (души) в эпосе взаимосвязь очень тесная, обозначаемая в экономике оборотом *trade-off*, то есть принципом что-то за что-то (бесплатный обед только в мышеловке, все имеет свою цену). Таким образом, Энкиду не мог быть одновременно существом естественным и цивилизованным; развитие новой личности подавляло его изначальную природу.

⁵⁶ Эпос о Гильгамеше. Табл. I.IV, 22–29. С. 170.

⁵⁷ Эпос о Гильгамеше. Табл. I.III, 24. С. 168. Природа для цивилизованного человека становится не только враждебной, но и демонической, приводящей в трепет. Такие живые существа, как мыши, обыкновенные и летучие, или пауки, на человека не нападают, но у многих людей вызывают иррациональный страх. Природа нам не угрожает – она нас пугает. Темный лес, болота, туманные долины – все это в цивилизованном человеке вызывает ужас, воплощающийся в сказочных существах, часто символизирующих устрашающую нас природу (Баба-яга, упыри, оборотни...).

⁵⁸ Там же. Табл. II.III, 12–14. С. 173.

⁵⁹ Там же. Табл. II.III, 24–25. С. 173.

⁶⁰ Там же. Табл. I. IV, 24. С. 170.

⁶¹ Sokol J. *Město a jeho hradby*. P. 288.

удобно, питаться хлебом и пивом, необыкновенной пищей, заботливо приготовленной человеческими руками»⁶².

От капризов природы – к капризам человека

Через всю историю человечества красной нитью проходит желание как можно меньше зависеть от капризов природы⁶³. Чем более развита цивилизация, тем больше человек защищен от природы и ее воздействий и тем выше его способность *приспособить* к себе окружающую среду. Наше меню уже не зависит от урожая, наличия промысловых животных или времени года. Мы можем поддерживать постоянную температуру внутри наших жилищ хоть в трескучий мороз, хоть жарким летом.

За первичными попытками *адаптации* окружающей нас среды к желаемой жизни мы можем проследить и в «Эпосе о Гильгамеше» – лучше всего именно на примере строительства стены вокруг Урука, который, в том числе и благодаря ей, смог стать колыбелью цивилизации⁶⁴. Такое *приспособление* касается также и деятельности человека, его труда. Индивид лучше всего делает то, в чем специализируется, и пока в удовлетворении остальных потребностей он может положиться на труд других, общество богатеет. У людей уже давно нет необходимости самим шить себе одежду и обувь, охотиться, выращивать растения или готовить пищу, искать источники питьевой воды и строить себе жилище⁶⁵. Эта роль переходит к институту рыночной специализации (существовавшему, разумеется, задолго до того, как Адам Смит указал на него как на один из главных источников богатства народов)⁶⁶. Каждый теперь сосредоточен на производстве того, что приносит обществу наибольшую выгоду.

В эпосе описан огромный скачок в развитии разделения труда. Так как сам Урук является одним из старейших городов, то в повествовании отражен исторический шаг вперед – по направлению к новому общественному *городскому* устройству. Благодаря стенам люди в городе смогли посвятить свое время не заботе о собственной безопасности, а иным вещам; они стали и дальше развиваться в своей сфере. Нельзя также не учитывать *стабильность*, которую обеспечивает окруженный стеной город. Человеческая жизнь получает новое измерение, вдруг стало возможным заниматься вопросами, превышающими срок жизни индивидуума: «Стена символизирует основу стабильности города как институции, которая должна сохраняться на века и дать своим жителям уверенность в неограниченной безопасности, чтобы и они начали инвестировать в достижение целей, лежащих далеко за границами одной человеческой жизни. На этой уверенности в урукских стенах покоятся благополучие и богатство города, что вызывает у живущих вне его откровенное удивление и, возможно, некоторую зависть»⁶⁷.

⁶² Sokol J. *Město a jeho hradby*. P. 289.

⁶³ Девственную природу мы сегодня обычно воспринимаем как идеал красоты и чистоты, но люди западного типа в ее нетронутых уголках долго бы не прожили. Это мир не для человека.

⁶⁴ «В прологе поэт объявляет стену собственным творением Гильгамеша, но при этом напоминает, что фундамент стены заложили семь мудрецов, древнейших существ, принесшие людям цивилизацию. Данный взгляд отсылает нас к давней традиции считать (и, скорее всего, справедливо) Урук колыбелью самого старого обладающего определенной культурой локализованного во времени и пространстве общества» (George A. R. *The Babylonian Gilgamesh Epic*. P. 91).

⁶⁵ Неплохо бы осознать, какие великие изменения человечество сотворило на протяжении нескольких последних поколений. Еще наши прапрародители или прапрародители владели многими из «естественных» навыков и теоретически могли сами себя обеспечить. Но сегодня большинство людей, с удовольствием употребляющих мясо, не в состоянии, да и не готовы забить курицу, свинью или корову.

⁶⁶ Концепция «делания чего-то одного» привела к крайностям организации производства на заводе, когда человек выполняет роботизированную работу. По случайному совпадению (?) на одном таком заводе (мануфактуре по производству булавок) на чудо разделения труда обратил внимание и Адам Смит, считающийся Нестором идеи экономической специализации. Если бы каждая семья должна была произвести для себя булавку у себя дома, то либо не смогла бы этого сделать, либо «потеряла» бы много времени, но благодаря специализированному заводскому производству ее можно просто купить, да еще и по ничтожной цене.

⁶⁷ Sokol J. *Město a jeho hradby*. P. 289.

С экономической точки зрения именно так возникновение укрепленного поселения приносит значительные изменения в жизнь людей; кроме того, глубокая специализация дает его жителям «возможность ремесленничать и торговать, разбогатеть по мановению руки – но также и обнищать. Возможность добыть средства к существованию безземельным, младшим сыновьям, отверженным, энергичным и просто авантюристам откуда угодно – со всего света»⁶⁸.

Однако все имеет свою цену, и на всех всего не хватает. Даже на богатом пиру, устроенном обществом с разделением труда. Платой за независимость от капризов природы является подчинение обществу и цивилизации. Чем сложнее устроен данный социум *в целом*, тем более вероятно, что его члены *как индивидуумы* не смогут выжить сами по себе, без него. Чем общество специализированней, тем больше тех, от кого мы зависим⁶⁹. И наше существование определяется именно этой зависимостью.

Энкиду мог выживать в природе *самостоятельно* и без всякой помощи, свободно, ибо он:

Ни людей, ни мира не ведал...
Вместе с газелями ест он травы,
Вместе со зверьми к водопою теснится,
Вместе с тварями сердце радует водою⁷⁰.

Энкиду похож на зверя, у него нет своего народа, и он не является представителем какой-либо страны. Своими действиями он может *сам* позаботиться об удовлетворении всех своих потребностей, он вне цивилизации, *нецивилизованный*. Мы опять видим принцип *trade-off*, что-то за что-то: Энкиду самодостаточен (как многие звери), зато (или, скорее, из-за этого) его интересы минимальны. Желания животного по сравнению с человеческими выглядят абсолютно ничтожными. Люди же, наоборот, не способны удовлетворить свои потребности ни богатством, ни технологиями XXI столетия. Энкиду в своем природном состоянии был, можно сказать, счастлив, так как его спрос был удовлетворен. Похоже, что у человека все происходит как раз наоборот. Чем больше он имеет, чем более он развит и богат, тем больше у него (удовлетворенных и неудовлетворенных) потребностей. Что-то купив, потребитель теоретически должен вычеркнуть одно из своих желаний, и множество того, чего он хочет, уменьшилось бы на одну единицу. В действительности же множество «хочу иметь» расширяется вместе с растущим множеством «имею». Здесь уместно процитировать экономиста Джорджа Стиглера, который хорошо знал об этой человеческой ненасытности: «Тем главным, о чем мечтает обыкновенный человек, является не удовлетворение потребностей, которые у него есть сейчас, а мечта о новых и еще лучших потребностях»⁷¹.

Смена окружающей среды (переход от природы к городу) в «Эпосе о Гильгамеше» очень тесно связана с изменениями внутренними – превращением дикаря в цивилизованного человека. Стена вокруг города Урук, кроме всего прочего, является символом внутреннего отдаления от природы, бунта против подчинения не поддающимся контролю законам, которые человек в лучшем случае может лишь открыть и использовать в своих интересах.

«Практическая цель стены во внешнем мире имела свою параллель с внутренним миром человека: формирующееся эго-сознание отгораживается таким образом некоей стеной, отделяющей его от остальной психики. Обороноспособность является важной характерной особенно-

⁶⁸ Ibid. P. 290.

⁶⁹ Так повышается общественная значимость еще одного объекта интересов экономистов, рынка, который становится средством коммуникации индивидуума с огромным множеством других членов общества, с которыми из-за их количества он уже не смог бы найти точки соприкосновения и торговать с каждым по отдельности.

⁷⁰ Эпос о Гильгамеше. Табл. I. II, 38–41. С. 167–168.

⁷¹ Stigler G. J. *Frank Hyneman Knight*. P. 58.

стью эго. И, таким образом, Гильгамеш предзнаменует человеческую изоляцию от природной среды, как внешней, так и внутренней»⁷². С другой стороны, эта изоляция делает возможными новые, ранее не известные формы развития, связанные с пребыванием в городской среде. «Потенциал человека, энергия эго... дифференциация на разных уровнях городской структуры все вместе явились условиями для одной трансформации – роста цивилизации»⁷³.

Естественная природа...

Если мы говорим о городе и природе, то можем рассуждать и в другом ключе, и эти идеи могут оказаться крайне полезными, особенно в сравнении с поздними древнееврейскими и христианскими концепциями. Рассмотрим природу как символ *при-рожденного* состояния (то есть состояния, в котором мы рождаемся или рожаем) и город как абсолютно противоположный символ (цивилизация, искусственное вмешательство в природу, а затем и прогресс).

Эпос несет в себе невысказанное послание: цивилизация и прогресс развиваются в городе, превращая его в «естественно неестественную» обитель человечества. Более того, он становится еще и местом обитания богов, ибо:

И тайну богов тебе расскажу я.
Шуриппак, город, который ты знаешь,
Что лежит на бреге Евфрата, —
Этот город древен, близки к нему боги...⁷⁴

В природе же, наоборот, живут звери и свирепствует дикарь Энкиду. Там охотятся, собирают урожай: природа удовлетворяет потребности, и не более того. В природе обитает зло: в кедровом лесу живет Хумбаба, мешающий людям получить доступ к ресурсам, и именно поэтому его надо уничтожить. В природе родился дикий Энкиду, который выглядит как человек, но по своей *природе* является зверем: он не живет в городе, он неукротимый⁷⁵ и склонен к разрушению. Город выступает символом людей, цивилизации, *не-природы*, поэтому его надо отделить толстой стеной от внешней среды. Именно переселяясь в город, Энкиду становится человеком.

Действительно, в эпосе *естественное*, *при-родное* состояние вещей несовершенно и несет в себе зло. Природную сущность надо подавить, цивилизовать, окультурить. Через призму эпоса мы можем взглянуть на все это следующим образом: наша *натура* несовершенна, дурна, зла, и доброй (человечной) она становится после освобождения от природы (от естественности) в процессе воспитания. Человечность есть неотъемлемое свойство цивилизации.

Рассмотрим, как позднее представляли двойственность города и природы древнееврейские мыслители. В Ветхом Завете эти отношения понимаются совершенно по-другому. Человек (человечество) сотворен(о) в природе, в саду. Он должен заботиться о райском саде и жить в гармонии с природой и зверями. Сотворенный человек ходит нагим и не стыдится этого, фактически как животное. Важно отметить, что человек одевается (не удовлетворившись своим естественным видом, в котором был сотворен), закрывая⁷⁶ (в буквальном смысле слова) свой

⁷² Heffernanová J. *Gilgamesh*. P. 4.

⁷³ Mumford L. *The City in History*. P. 44.

⁷⁴ Эпос о Гильгамеше. Табл. XI, 10–13 С. 212.

⁷⁵ Единственным способом, которым Гильгамешу удалось Энкиду «укротить», был трюк с блудницей. Силой бы он его никогда не покори.

⁷⁶ То же самое, как заметил чешский философ и биолог Зденек Нойбауэр, характерно и для науки: «Естественность науки, как каждая естественность, любит прятаться, то есть казаться совершенно герметичной. (Кстати, “герметичный” означает то же, что “тайный, секретный”...)» (Neubauer Zd. *O čem je věda*. P. 59). Нойбауэр также пишет: «За это “тайное тело” науке –

детородный орган, только после грехопадения⁷⁷. Стремление облачиться в одежду вытекает из стыда, полученного *при рождении*, стыда за наготу: человек хочет отличаться от зверей и от себя самого в естественном состоянии. Когда позднее пророки Ветхого Завета говорят о рае, они представляют жизнь там как возврат к гармонии с природой:

Тогда волк будет жить вместе с ягненокм, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицей, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи⁷⁸.

...И грешная цивилизация?

И наоборот, между строк многих ветхозаветных историй можно найти неприятие городской цивилизации и оседлого образа жизни. Именно обитающий все время на одном и том же месте «злой» земледелец Каин (хлебопашество требовало городского образа жизни) убил пастуха Авеля (охотники и пастухи были кочевниками, не закладывали городов, их образ жизни требовал постоянного передвижения с одних охотничьих угодий или пастбищ на другие). Нечто подобное встречается и в истории об оседло живущем Иакове, который обманывает своего старшего брата охотника Исава⁷⁹ и лишает его отцовского благословения ради своей выгоды⁸⁰. Часто (особенно в древнееврейских писаниях) города представлялись символом греха, упадка, вырождения – *нечеловечности*. Евреи изначально были народом кочевым, избегающим городов. Не случайно первым крупным городом⁸¹, упоминаемым в Библии, явля-

в силу своей духовности – очевидно стыдно» (Ibid. P. 58).

⁷⁷ «Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся. И сказал Господь Бог: кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?» (Быт. 3:10–11). Скрыт был именно наш детородный орган, средоточие человека, о чем свидетельствует известный рисунок Леонардо да Винчи.

⁷⁸ Ис. 11:6–8.

⁷⁹ Лесть и обман играют в древних мифах вообще очень важную роль: так называемый *trickster* (шалун, мошенник) является одним из основных архетипов героя. Эту трактовку подчеркнул в 1956 году американский антрополог польского происхождения Пол Радин в своей книге «Трикстер», где описал четыре основных архетипа героя. Добавим только, что трюк, лесть, уловка, жульничество, ложь есть символы первоначального освобождения людей и их борьбы с чем-то более сильным, чем они сами, – с богами, например, или природой. Это начало восстания против шаблонов и данностей, борьба с кажущимся пока непоколебимым «абстрактным» принципом, отказ от пассивности. И Гильгамеш должен льстить неукротимому Энкиду. Праотец Авраам лжет, выдавая свою жену за сестру, и, дабы избежать неприятностей, позволяет себе зайти так далеко, что даже продает ее фараону в гарем. Иаков жульничает большую часть своей жизни, что в определенной мере отражено и в его имени: на древнееврейском «Яков» – это «державший за пятку», что отвечает чешской идиоме «водить кого-то за нос» или английской *pulling the leg* («тянуть за ногу»). Необходимо подчеркнуть, что в ранних культурах понятие «мошенничество» не несло в себе, как сегодня, уничижительного оттенка. Обман был просто способом борьбы, особенно с более сильным неприятелем. Кстати, и к имени «Одиссей» мы добавляем прилагательное «хитроумный». До сегодняшнего дня трикстеры появляются в сказках как положительные герои. Глупый чешский Гонза часто справляется с заданиями, для которых у рыцарей и принцев «руки коротки», и именно поэтому женится на принцессе и получает королевскую корону. Подобные персонажи появляются во многих современных фильмах и рассказах. Эти истории о неправдоподобных героях как будто хотят нам напомнить, что природа, порядок и система или наше восприятие мира не всегда полностью рациональны.

⁸⁰ Яна Хефферманова в книге «Тайна двух партнеров» (Heffermanová J. *Tajemství dvou partnerů*) в этом рассказе видит бой природного подсознания (волосатый охотник Исава) с устоявшимся сознанием (Иаков, который «остается между палатками», мастак поговорить и обмануть, насколько это в разговоре возможно). Своею волосатостью Исава также заметно напоминает чувственного неусмирённого Энкиду. Такая символика позволяет отнести их обоих к миру природы.

⁸¹ Абсолютно первыми упомянутыми в Библии городами были основанные богатырем охотником Нимродом. Началом его царства стали «Вавилон, Эрех, Аккад и Халне в земле Сеннаар. Из сей земли вышел Асур и построил Ниневию» (Быт. 10:10–11). Под Вавилоном, очевидно, подразумевается город, где была воздвигнута Вавилонская башня; под Эрехом с большой долей вероятности понимается Урук, которым владел сказочный Гильгамеш. Другие города также связаны с нашей историей. На сегодняшний день именно найденная в библиотеке города Ниневия аккадская версия «Эпоса о Гильгамеше» считается канонической.

ется гордый Вавилон⁸², превращенный позднее Господом в прах. Когда Аврааму и Лоту пастбища становится недостаточно, Лот выбирает для будущей жизни место, где уже существуют развитое хозяйство, архитектурные и инженерные сооружения, связанные с жизнеобеспечением (Содом и Гоморру), а Авраам уходит дальше в пустыню. Что случилось с обоими городами, напоминать, видимо, не требуется.

В Ветхом Завете природа поэтически возвышается. В «Эпосе о Гильгамеше» мы этого не наблюдаем. Ветхозаветная Песнь Песней описывает любовные отношения через символику природы. Не случайно все хорошее у любовников происходит за городскими стенами, в винограднике, в саду. И наоборот, все плохие события случаются в городе: здесь влюбленные не могут найти друг друга, их избивают и стыдят стражники. На природе же, в винограднике безопасно, влюбленные наедине друг с другом, им никто не мешает, как они того и желают.

Если говорить коротко, то природа и естественность для иудеев несли в себе положительный заряд, а городская цивилизация – отрицательный. Первоначально Божий «алтарь» был передвижной, и на стоянках он располагался «всего лишь» в палатке, скинии (отсюда понятие «скиния Господня»). Цивилизация человека будто бы только портит: чем ближе он держится к природе, тем больше он человек. Для того чтобы быть хорошим, человеку не нужна цивилизация. В отличие от эпоса, зло для иудеев находится внутри городских стен и заключается в самой цивилизации.

Такая точка зрения на роль естественного состояния в древнееврейской (и нашей) культуре претерпела дальнейшее развитие. Евреи выбирают себе царя (при однозначном несогласии пророков Божьих) и поселяются в городах, где в конечном счете размещают скинию Господню и строят храм. Город Иерусалим впоследствии обретает для религии в целом исключительное значение. Древнееврейское мышление еще больше склоняется к городской модели, что становится очевидным уже во времена раннего христианства. Достаточно прочитав, например, Откровение Иоанна Богослова – и сразу становится понятно, как изменилось с ранних ветхозаветных времен представление о рае, когда раем был сад. Иоанн описывает свое видение, в котором небеса – это Новый Иерусалим, город, где и находится рай, где можно в деталях разглядеть стену и точно ее измерить (!), где улицы сделаны из золота, ворота из жемчуга. Здесь есть древо жизни и текут реки, но больше описаний природы в последней книге Библии не встречается.

Это явление прекрасно отражает происходящие в то время изменения в восприятии человеком своего естественного состояния. Христианство (под влиянием античной культуры) уже не считает естественность человека однозначно положительной и не относится к природе столь идиллически, как ветхозаветные пророки.

Влияет ли все это на экономику? Больше, чем мы можем себе представить. Если считать, что человек по своей *природе* добр, то для регулирования коллективного социального поведения сильная рука правителя не нужна. Если людям изначально присуще стремление (склонность) к добру, то государство, правитель или, если хотите, гоббсов Левиафан не должны подменять его в этой роли⁸³. А вот если мы, наоборот, примем гоббсово видение естественного человеческого состояния как ориентированного на насилие, войну всех против всех, когда *homo homini lupus*, человек человеку волк (зверь!), то людей необходимо *цивилизовать* (из волка сделать человека) сильной рукой правителя. Если человек от рождения не наделен стремлением делать добро, значит, оно должно быть привито ему сверху путем насилия или через угрозу насилия. Так как в *естественном состоянии* «нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда, и потому нет земледелия, судоходства, морской торговли...

⁸² Быт. 11:9.

⁸³ В Библии Левиафан описан как ужасное и огромное чудовище (см.: Иов. 3:8, 40:10); Томас Гоббс использовал его имя в переносном смысле для обозначения государства или владыки, без которых общество, в понимании Гоббса, будет поглощено хаосом и разрушено.

ремесла, литературы», то «жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна»⁸⁴.

И наоборот, хозяйственная политика может дать гораздо больше свободы людям, если правитель верит в природу человека, в его изначальное стремление к добру, которое только и нужно что лелеять, направлять и поддерживать (законами, например).

С точки зрения развития экономической мысли интересно взглянуть на различия между Ветхим Заветом и «Эпосом о Гильгамеше» в похожих с виду историях. В эпосе, например, несколько раз говорится о Всемирном потопе, заметно напоминающем потоп библейский:

Ходит ветер шесть дней, семь ночей,
Потопом буря покрывает землю.
При наступлении дня седьмого
Буря с потопом войну прекратили,
Те, что сражались подобно войску.
Успокоилось море, утих ураган – потоп прекратился.
Я открыл отдушину – свет упал на лицо мне,
Я взглянул на море – тишь настала,
И все человечество стало глиной!
Плоской, как крыша, сделалась равнина⁸⁵.

В «Эпосе о Гильгамеше» потоп произошел задолго до основной истории. Его пережил только Утнапишти, потому что построил корабль, благодаря которому и спас все живое.

Нагрузил его всем, что имел я,
Нагрузил его всем, что имел серебра я,
Нагрузил его всем, что имел я злата,
Нагрузил его всем, что имел живой я твари,
Поднял на корабль всю семью и род мой,
Скот степной и зверье, всех мастеров я поднял⁸⁶.

Утнапишти, в отличие от Ноя, в первую очередь погрузил даже не упоминаемое в библейской истории золото и серебро. Так как для эпоса город представляет собой место, защищенное от «зла за стеной», то отношение к богатству как к чему-то главному и позитивному является логичным. Именно в городе сосредоточено богатство во всех его формах. В конечном счете и Гильгамеш отчасти достиг своей славы вследствие убийства Хумбабы – поступка, который принес ему, помимо всего прочего, еще и материальное благополучие в виде древесины вырубленных кедров.

Укрощение дикого зла и прообразы невидимой руки рынка

Вернемся еще раз к очеловечиванию дикого Энкиду, то есть к процессу, который с небольшой долей фантазии можно воспринимать как самое начало зарождения принципа невидимой руки рынка и, следовательно, как некую параллель одной из главных схем экономической теории.

⁸⁴ Гоббс Т. Левиафан. Гл. XIII. С. 48.

⁸⁵ Эпос о Гильгамеше. Табл. XI, 127–134. С. 215.

⁸⁶ Там же. Табл. XI, 80–85. С. 213.

Энкиду наводил ужас на людей, уничтожал результаты их труда, мешал охоте и возделыванию почвы. Один из пострадавших охотников говорит о нем:

Боюсь я его, приближаться не смею!
Я вырою ямы – он их засыплет,
Я поставлю ловушки – он их вырвет,
Из рук моих уводит зверье и тварь степную, —
Он мне не дает в степи трудиться!⁸⁷

А вот после его очеловечивания все становится по-другому:

Пастухи покоились ночью.
Львов побеждал и волков укрощал он —
Великие пастыри спали:
Энкиду – их стража, муж неусыпный...⁸⁸

«Одомашнив» и цивилизовав Энкиду, человечество укротило неконтролируемое, дикое, несущее хаос зло, ранее яростно вредившее и выступавшее *против* городских благ. Энкиду рушил (во внешнем мире, за стеной) все сделанное городом. Но позднее он был приручен и теперь вместе с цивилизацией воюет *против* природы и естественного состояния вещей. Интерпретация этого момента для экономистов очень важна. Энкиду доставлял неприятности, и против него было невозможно воевать. Однако зло с помощью ловушки было превращено в нечто, приносящее цивилизации большую пользу.

Возможно, речь идет об изображении плохой человеческой «в-рожденной» черты (например, эгоизма, приоритета собственных пристрастий над интересами ближнего). Энкиду поразить нельзя, *но* использовать на службе добру можно. Подобный мотив – уже как важнейшая идея экономики – проявляется тысячу лет позднее вместе с выражением, знакомым далеко не только экономистам: «невидимая рука рынка». Иногда дьявола – в нашем случае зло – лучше запрячь в плуг, чем с ним воевать. Использовать для достижения намеченных нами целей его собственную энергию проще, чем прилагать огромные усилия для подавления; вместо бессмысленных потуг усмирить бурную реку лучше поставить на ней мельницу. Одна из самых старых чешских легенд гласит, что так поступил и святой Прокопий⁸⁹. Он не только выкорчевывал лес (!) и обрабатывал землю (а значит, покорял себе природу), но и, по свидетельствам людей, пахал поле на запряженном в плуг черте⁹⁰. В данном случае мы видим умение обращаться с чем-то небезопасным, чего обычный человек боится. Прокопий хорошо понял, что мудрее и выгоднее соответствующим образом использовать стихийные хаотические силы, чем тщетно, по-сизифовски пытаться их подавить, устранить и уничтожить. До определенной степени он был знаком с проклятием зла, о котором в пьесе Гёте «Фауст» говорит дьявол Мефистофель:

Я – часть той силы,
что вечно хочет зла
и вечно совершает благо.

⁸⁷ Эпос о Гильгамеше. Табл. I.III, 8–12. С. 168.

⁸⁸ Там же. Табл. II.III, 30–35. С. 173.

⁸⁹ См. также: Neubauer Zd. *Přímlovce postmoderny*. Р. 36–37, 53–55.

⁹⁰ Это упоминание рассматривает, например, Ян Геллер в своей книге «Как пахать на черте. Проповедь» (Heller J. *Jak orat s čertem: kázání*. Р. 153–156).

О проблеме превращения зла в созидательную силу рассказывает Майкл Новак в своей книге «Дух демократического капитализма»⁹¹. В ней утверждается, что только демократический капитализм, в отличие от всех альтернативных систем, часто утопических, сумел понять, как глубоко таится зло в человеческой душе, и осознал, что никакая система этот «грех» искоренить не способна. Лишь демократический капитализм может использовать «его [греха] энергию для достижения благих целей (то есть как можно большего вреда сатане)»⁹².

Подобную историю (превращение чего-то животного, дикого, неотесанного в достижение цивилизации) использовал в своем учении и Фома Аквинский. Несколькими столетиями позднее та же мысль развивается до конца Бернардом Мандевилем в маленькой поэме (как он сам называл это произведение) «Возроптавший улей, или Мошенники, ставшие честными». Экономические и политические аспекты этой идеи – во многом несправедливо – приписываются Адаму Смиту. Прославившая его позднее мысль говорит об общественной пользе, происходящей из эгоизма мясника, стремящегося к получению прибыли и удовлетворению собственных интересов⁹³. Однако отношение самого Смита к такому пониманию было гораздо сложнее и критичнее, чем то, чему сегодня обычно учат и во что верят. И до этого мы позднее доберемся.

В этом месте я не могу удержаться от одного маленького замечания. В истории о Проккопии волшебной силой запрячь и преобразовать зло, заставить его служить общему благу обладал святой⁹⁴. Сегодня такое свойство приписывается невидимой руке рынка. В истории о Гильгамеше лишь блудница смогла обратить негативную силу в нечто полезное⁹⁵. Похоже, что невидимая рука рынка получила в приданое прекрасное историческое наследство – необходимость колебаться между этими двумя крайностями: святым и распутницей.

В поисках bliss point⁹⁶

Гильгамешу было предопределено божественным происхождением сделать нечто великое. Через весь эпос красной нитью проходит его стремление найти бессмертие⁹⁷. Эта древнейшая цель *par excellence*⁹⁸, стремиться к которой осмеливались лишь герои⁹⁹, в эпосе принимает

⁹¹ Подобную защиту капитализма предлагает еще и Дейдра Макклоски в «The Bourgeois Virtues».

⁹² Новак М. Дух демократического капитализма. С. 92.

⁹³ См.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. I, II.

⁹⁴ За данное замечание приношу благодарность чешскому экономисту Любомиру Млчохову, который к тому же часто отмечал, что для того, чтобы человек был в состоянии запрячь черта, он по меньшей мере должен быть святым.

⁹⁵ В вавилонской культуре жрицы были еще и храмовыми «проститутками», символизирующими культ плодovitости. «Какое положение занимала Шамхат в Уруке, в эпосе не упомянуто, поскольку не имеет прямого отношения к рассказу, но необходимо отметить, что Урук, город, посвященный Иштар, богине физической любви, славился количеством и красотой своих проституток. Многие из них были еще и жрицами в храме, посвященном богиням Ниссун и Иштар» (George A. R. *The Babylonian Gilgamesh Epic*. P. 148). «Блудница, посланная Гильгамешем, была скорее жрица или куртизанка, чем просто проститутка... Кроме удовольствия от занятий любовью она должна была предложить дикарю человеческую мудрость и убедить его в выгодах цивилизованной жизни» (Balabán M., Tydlitátová V. *Gilgameš: Mytické drama o hledání věčného života*. P. 139).

⁹⁶ *Bliss point* – дословно «точка блаженства» (англ.). Это своего рода потребительская нирвана, или точка, в которой выгода не только оптимизирована в рамках данных возможностей, но и достигает своего идеального состояния, игнорируя, таким образом, все (в том числе бюджетные) ограничения. Термин *bliss point* (или *saturation point*) используется в экономике для обозначения чего-то идеального, желаемой ценности потребленного, позволяющей данному индивидууму достичь состояния блаженства, при котором даже добавлением отдельных благ общую полученную им пользу уже невозможно никоим образом увеличить. В экономике функцию полезности часто изображают как трехмерный холм, а *bliss point* – как его вершину.

⁹⁷ Бессмертие в любой форме имело для жителей Вавилона особое значение: после смерти их не ждал рай, и, следовательно, смерть воспринималась как переход в состояние, которое можно определить как нечто среднее между неприятным и омерзительным.

⁹⁸ По преимуществу, главным образом (фр.).

⁹⁹ Мечта о бессмертии, так же как многие другие древние желания, дожила до наших дней, но предстает перед нами в более популярной форме: культ вечно прекрасного и молодого тела создал императив заботы о своем здоровье и как можно более долгой жизни, абстрагируясь от ее качества. Такой долгой жизни, однако, не достичь с помощью богатства или нравственного поведения или совершая героические поступки, но вполне возможно к ней приблизиться, если, например, употреблять

несколько различных форм. Изначально Гильгамеш хочет обессмертить свое имя сравнительно тривиальным способом – возвести стену вокруг своего города Урука. На втором этапе, после того как Гильгамеш обрел друга Энкиду, он оставляет стену и отправляется куда-то за пределы города, где сможет максимально проявить свои мужество и героизм. «На своем... пути за бессмертием преодолел Гильгамеш самые необыкновенные трудности и совершил сверхчеловеческие поступки»¹⁰⁰. В этом случае он не пытается нажить имущество или извлечь выгоду, а просто хочет остаться в памяти человечества как вершитель героических деяний: он стремится войти в историю. Функция потребительской полезности заменяется количеством *приключений* или масштабом славы. Такое понятие бессмертия очень тесно связано с возникновением письменности (хронику событий необходимо записать для последующих поколений, в то время как стена останется стеной и без всякой записи), а Гильгамеш был первым из тех, кто позаботился, чтобы его попытка достичь бессмертия сохранилась «навечно» в форме письменного источника, – в любом случае, он был первым, кому это удалось. «Прославленность имени представляет собой новое понимание бессмертия, связанное с письмом и культом слова: имя, а особенно имя записанное, переживет тело»¹⁰¹.

До классической экономической максимизации полезности, примеры которой также представлены в эпосе, мы доберемся позднее. Финал долгого пути Гильгамеша не был таким успешным, как герой себе представлял. Умирает Энкиду, его верный спутник, и впервые звучит фраза, которая символизирует тщетность его усилий и эхом отзывается во всей оставшейся части эпоса:

Гильгамеш, куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, не найдешь ты!¹⁰²

После такого разочарования герой приходит на берег моря, где живет нимфа Сидури¹⁰³. В качестве лекарства от печали она предлагает Гильгамешу *сад блаженства*, некую гедонистическую крепость *carpe diem*¹⁰⁴, где человек смиряется с тем, что он смертен, и в своей конечной жизни максимизирует земные радости.

Хозяйка ему вещает, Гильгамешу:
«Гильгамеш! Куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, не найдешь ты!
Боги, когда создавали человека, —
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали.
Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок,
Днем и ночью да будешь ты весел,
Праздник справляй ежедневно,
Днем и ночью играй и пляши ты!
Светлы да будут твои одежды,

в пищу что-либо, соответствующее определенным (постоянно меняющимся) критериям, и избегать неправильных моделей потребления. Это современное движение принимает форму «возврата к природе», по крайней мере в отношении рациона питания. А диеты, в основе которых лежат экзотические травы и смеси, содержащие чудодейственный эликсир молодости, вызывают, как и всегда, только улыбку.

¹⁰⁰ Heidel A. *The Gilgamesh Epic and Old Testament Parallels*. P. 11.

¹⁰¹ Heffernanová J. *Gilgameš*. P. 8.

¹⁰² Эпос о Гильгамеше. Табл. VIII.X, 7–8. С. 200.

¹⁰³ В русском переводе: «Сидури – хозяйка богов, что живет на обрыве у моря, живет она и брагой их угощает», в чешском переводе она шинкаря, содержательница кабака. – *Примеч. пер.*

¹⁰⁴ Наслаждайся моментом, будь счастлив в эту секунду (*лат.*).

Волосы чисты, водой омывайся,
Гляди, как дитя твою руку держит,
Своими объятьями радуй подругу —
Только в этом дело человека!»¹⁰⁵

И как Гильгамеш отвечает на такое предложение, на такую современную максиму (или даже, словами французского психоаналитика Жака Лакана, на такой императив) экономики (*MaxU*, то есть постоянную максимизацию полезности)? К большому удивлению, он отказывается («Гильгамеш ей вещает, хозяйке: “Теперь, хозяйка, — где путь к Утнапишти?”»¹⁰⁶), а в предложении максимизировать свои телесные, мирские удовольствия видит только препятствие на пути к единственному человеку, пережившему Великий потоп, у которого он надеется найти лекарство от смерти. Герой отказывается от гедонизма в контексте максимизации земных благ и бросается за тем, что увеличит срок его жизни. Таким образом, в эпосе в мгновение ока поставлена с ног на голову функция максимизации полезности, каковую сегодня без устали приписывает человеку в качестве неотъемлемой части его естественного состояния экономический мейнстрим¹⁰⁷.

После того как Гильгамеш нашел Утнапишти, он добывает со дна моря желанное растение, которое может дать ему вечную молодость. Но в итоге герой засыпает и лишается растения: «Неизмеримо долгая и запутанная дорога на край света заканчивается тем, что уставший от великих подвигов Гильгамеш не может победить самого легкого: он побежден сном, братом смерти, подкрадывающимся измождением, которое, как и усталость и старение, сопровождает человеческую жизнь»¹⁰⁸.

Змея цветочный учуяла запах,
Из норы поднялась, цветок утащила,
Назад возвращаясь, сбросила кожу¹⁰⁹.

Итак, в одиннадцатой, последней таблице Гильгамеш теряет то, что искал и нашел. Как Сизиф, он упустил свою цель прямо перед вершиной и до своей воображаемой *bliss point* так и не добрался. И, несмотря на это, Гильгамеш становится бессмертным: его имя не забыто до сегодняшнего дня. Даже если в исторической эволюции тех событий случайность и сыграла какую-либо роль, ясно, что сегодня Гильгамеша мы помним благодаря истории его героической дружбы с Энкиду, а не благодаря стене, уже давно потерявшей все свое величие.

Заключение. Колыбель экономических вопросов

В данной главе мы впервые попробовали поразмышлять над самым старым сохранившимся текстом в истории нашей цивилизации с точки зрения экономики. Сделали мы это в надежде узнать с помощью древнего эпоса что-то новое о себе, об обществе, за четыре тысячи лет превратившемся в очень сложный и запутанный организм. Ориентироваться в сегодняш-

¹⁰⁵ Эпос о Гильгамеше. Табл. X. III, 1–14. С. 206.

¹⁰⁶ Там же. Табл. X. II, 15. С. 206.

¹⁰⁷ Данная часть эпоса на протяжении столетий претерпела значительные изменения. В старой вавилонской версии десятая таблица была последней: история заканчивалась тем, что Гильгамеш после разговора с морской нимфой решил больше не гоняться за бессмертием и согласился с ролью смертного короля. В первоначальной версии Сидури оказала на Гильгамеша такое же влияние, как Шамхат на Энкиду: очеловечила его и вернула в коллектив, которому он в дальнейшем мог быть полезен. Только в позднее добавленной одиннадцатой таблице с историей о встрече Гильгамеша с Утнапишти Сидури становится соблазнительницей, предлагающей разнообразные наслаждения, от которых Гильгамеш отказывается.

¹⁰⁸ Паточка Я. Еретические эссе о философии истории. С. 37.

¹⁰⁹ Эпос о Гильгамеше. Табл. XI, 287–289. С. 219.

нем социуме, естественно, гораздо сложнее, поэтому соблазнительно понаблюдать за основными чертами общественного развития того времени, когда картина была более отчетлива, – эпохи, когда наша цивилизация только родилась и была еще наполовину нагой. Иными словами, постарались добраться до краеугольного камня нашей письменной культуры, под которым уже ничего нет.

Было ли полезным наше изучение эпоса? Узнали ли мы что-нибудь новое о самих себе в экономическом смысле? Что из эпоса актуально в наше время? Отыскивали ли мы в Гильгамеше какие-нибудь архетипы, которые есть в нас самих и сегодня?

В этой главе я пытался показать, что и мифическое отношение к миру имеет свою «правду». Сегодня эти истины мы принимаем с определенными поправками и снисходительно даем их в кавычках, но надо иметь в виду, что следующее поколение непокорно «закавычит» и нашу сегодняшнюю правду. В прежние времена люди на вопрос отвечали историей, рассказом. В конце концов, греческое слово «миф» означает «повествование». «Мифом является любое повествование, предвосхищаемое неким “почему”»¹¹⁰. К тому, до какой степени мифическое повествование отличается от математического или научного, мы в этой книге скоро вернемся.

Первым результатом изучения «Эпоса о Гильгамеше» можно считать вывод, что в нем затрагиваются существующие и по сей день экономические вопросы. Самые первые письменные размышления людей того времени, к удивлению, не так уж далеки от современных. Иными словами, эпос нам понятен. Иногда даже слишком – что касается, например, стремления сделать из людей роботов. Или идея, что человеческое в нас является лишь препятствием в работе (над стеной!)¹¹¹, – она по-прежнему распространена. Современный экономический мейнстрим часто использует подобные соображения и старается пренебречь всем личностным, вынести его за рамки модели и дискурса. Идея, что гуманизм мешает эффективности, стара настолько же, насколько стар сам вид *homo sapiens*; как мы показали, подданные без эмоций есть идеал многих тиранов. Мы также стали свидетелями самого начала окультуривания людей – великой драмы, заключающейся в освобождении и последующем отходе от естественного состояния. Гильгамеш строит стену, отделяющую город от дикой природы и создающую пространство для зарождения первоначальной человеческой культуры. Отголоском возвращается к нам и высказанная эпосом мысль, что «даже далеко простершиеся деяния цивилизации не удовлетворили человеческие желания»¹¹². Примем все это как память о нашей неутомности, ненасытности, наследственном недовольстве и связанной с этим изменчивости. Возможно, в нас есть именно эти качества, возможно, они и сегодня, даже по прошествии четырех тысяч лет, по-прежнему нам присущи, и мы, как и прежде, тщеславны. Возможно, эти чувства в нас еще острее и сильнее, чем были у Гильгамеша или самого автора эпоса.

Однако содержание эпоса постепенно отходит от этой мысли, показывая дружбу Гильгамеша и Энкиду. Дружба – это кажущаяся на первый взгляд общественно ненужной и биологически бесполезной любовь. Ведь для эффективного производства не требуется сильная эмоциональная вовлеченность людей в команду. Однако для смены системы, разрушения существующего, утраты наивности, для похода против богов, прозрения – потребуется дружба. Для малых дел (совместные охота, работа) достаточно малой любви – приятельства. Для больших дел нужна любовь большая, любовь настоящая: дружба. Дружба, не поддающаяся экономическому пониманию типа *что-то за что-то*. Дружба – это когда один отдаст жизнь за другого, когда можно (полностью) положиться друг на друга, когда ты действуешь не для полу-

¹¹⁰ Kratochvíl Z. *Mýtus, filosofie, věda*, I a II. P. 17.

¹¹¹ О чем лишний раз напоминает песня «Another Brick in the Wall» («Еще один кирпич в стене») группы Pink Floyd. Как можно видеть, тематика стены живет и сегодня своей жизнью.

¹¹² Kratochvíl Z. *Mýtus, filosofie, věda*, I a II. P. 12.

чения дохода или личной выгоды. Дружба обещает новые, неожиданные приключения, дает возможность выйти за стену и не быть ни ее строителем, ни ее частью – не быть, как поет группа *Pink Floyd*, одним из многих кирпичей в стене.

В несколько ином смысле отношения Гильгамеша и Энкиду можно приравнять к цивилизованной и животной сущностям человека (Энкиду позже умирает, но в определенном смысле продолжает жить в Гильгамеше). В связи с этим мы ненадолго остановились на предложенном Кейнсом термине *animal spirits*, который гонит нас навстречу приключениям, заставляя пренебречь рациональностью: строитель Гильгамеш – спрятавшийся за стенами осторожный правитель, уводящий человечество от его примитивного животного состояния и культивирующий цивилизованную (хотелось бы сказать «стерильную») культуру, – подружился с диким Энкиду и отправляется покорять неприкосновенную до той поры природу.

Мы увидели, как одновременно с возникновением городов появились специализация и аккумуляция богатства. Мы проследили за тем, как некогда воспринимавшаяся как святая природа превратилась в мирской источник ресурсов и как эмансипировало человеческое индивидуалистическое «я». С этим моментом парадоксально связан рост зависимости индивидуума от остальных членов общества, хотя цивилизованная личность и чувствует себя более самостоятельной. Чем меньше горожанин подчинен окружающей флоре и фауне, тем больше он находится во власти других людей. Вслед за Энкиду мы променяли естественную среду обитания на социум, гармонию с (непредсказуемой) природой – на сообразность с (непредсказуемым) человеком.

Такой взгляд мы сравнили с воззрениями иудеев, которые более подробно будем изучать в следующей главе. Они переселились в города многим позднее; в основной части Ветхого Завета описывается народ, живущий в гармонии с природой. И что же в этом случае является естественным состоянием? Является ли рассматриваемое нами существо человеком (в полной мере) от рождения или оно становится им в рамках (городской) цивилизации? Его (изначальная) сущность положительна или отрицательна? Для хозяйственной политики эти вопросы до сегодняшнего дня остаются ключевыми: если мы верим, что человек по природе зол и, следовательно, человек человеку волк (зверь), тогда твердая рука правителя необходима. Если мы убеждены, что люди сами по себе тянутся к добру, тогда можно ослабить узду и жить в обществе, которое более *laissez-faire*¹¹³.

В заключение мы показали, что принцип, материализовавшийся тысячу лет спустя в экономическую идею невидимой руки рынка, появился уже в «Эпосе о Гильгамеше» в виде прирученного дикого зла, послужившего наконец на благо человечества. На нашем пути мы еще встретим целый ряд примеров невидимой руки рынка. И наконец, в завершение главы мы услышали отголоски идей некоего догреческого гедонизма, прозвучавших из уст морской нимфы Сидури, и несмотря на то, что Гильгамеш их отвергает, такое поведение соответствует экономическому направлению, получившему много позже название «утилитаризм».

Эпос заканчивается своего рода мрачным циклическим посланием, констатирующим, что ничего, собственно, не изменилось, не произошло никакого развития и после небольшого приключения все возвращается на круги своя. Таким образом, данное литературное произведение как единое целое является циклическим, оно заканчивается там, где начинается, – строительством стены. История никуда не стремится, все движется по кругу и повторяется с незначительными изменениями так, как мы видим это в природе (смена времен года, лунных циклов) или в нашей ежедневной рутине. Более того, природа, окружавшая людей с древнейших времен, была воплощением своенравных богов, имевших человеческие слабости и капризы (в соответствии с эпосом, боги устроили потоп в наказание людям, так как те производили слиш-

¹¹³ Экономическая доктрина, согласно которой государственное вмешательство в экономику должно быть минимальным. – Примеч. ред.

ком много шума, беспокоившего верховных существ). Природа обожествлялась; не могло быть и речи о ее научном постижении, не говоря уже о вмешательстве в нее (если только человек не являлся на две трети богом, как Гильгамеш), поскольку невозможно безопасно, системно, грамотно (научно) изучать непредсказуемых и прихотливых богов.

Концепцию исторического развития, десакрализации героев, правителей и природы человечество получило только с приходом иудеев. Всей их истории сопутствует ожидание мессии, который должен прийти в свое время или, точнее, в конце времен.

2 Ветхий Завет

Прагматичность и добродетельность

Долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собою лучше завоевателя города.

Библия. Ветхий Завет

Все... слагаемые пуританского вероучения, которые... оказали реальное влияние на формирование капиталистического духа, в действительности представляют собой заимствования из иудейской религии.

Вернер Зомбарт¹¹⁴

Несмотря на то, что ветхозаветные евреи¹¹⁵ сыграли ключевую роль в формировании современной евро-атлантической культуры и ее экономической системы, в учебниках по истории экономической мысли и других подобных трудах им посвящено не так уж много страниц¹¹⁶. Макс Вебер верил, что зарождению капитализма мы обязаны протестантской этике¹¹⁷, Майкл Новак, наоборот, подчеркивает влияние католических морали и восприятия человека¹¹⁸, однако, по мнению Зомбарта¹¹⁹, за появлением капитализма стоит иудейская вера.

Все ключевые участники этой дискуссии признавали выдающуюся роль иудейской культуры. Не подвергается сомнению и значение иудейского учения для формирования современ-

¹¹⁴ Зомбарт В. Евреи и экономика. С. 105.

¹¹⁵ Здесь будет уместно разобраться с правильным использованием названия этого исключительного народа (подробнее по теме см.: Bimson J. J. *The Compact Handbook of Old Testament Life*. P. 7–8). Если мы будем придерживаться библейской традиции, то, безусловно, начиная с Авраама, подходящим будет наименование «евреи» (см.: Быт. 14:13). Имя «Израиль» Бог дал Иакову, внуку Авраама (Быт. 32:28, 43:6 и др.), и отсюда его потомки – израильтяне. В соответствии с Книгой Исхода (3:18, 5:1–3) можно подумать, что «евреи» и «израильтяне» – синонимы. Но название «израильтяне» в Ветхом Завете имеет вторичное и несколько более узкое значение, так как под этим именем понимаются лишь северные племена и особенно после разделения царства, когда они отделились от Иудеи. Так как использование терминов «евреи» и «израильтяне» продолжается и во времена Нового Завета (например, Рим. 9:4, 2 Кор. 11:22, Флп. 3:5), то обычным для того времени было использование названия «иудей». Первоначально им обозначали членов южных племен в Иудее (именно так оно использовано в Книге пророка Иеремии, 32:12, 34:9), однако после вавилонского изгнания оно – как название избранного народа в широком смысле – заменило термин «израильтяне». Произошло это потому, что, в сущности, в те времена все израильтяне происходили из иудейских племен, так как северные племена (израильтяне, если говорить точно) утратили после падения Самарии в 722 году до нашей эры свою идентичность. Наименование «иудей» или «иудеи» не должно было бы использоваться в обычном смысле, если мы говорим о временах перед изгнанием. В нашем тексте мы, однако, будем считать слова «израильтяне», «евреи» и «иудеи» синонимами.

¹¹⁶ Насколько автору известно, проблематикой экономического мышления в иудаизме больше всего до сегодняшнего дня занимался Макс Вебер («Ancient Judaism»; «The Sociology of Religion»; «Хозяйство и общество»), позднее и в меньшей степени – Вернер Зомбарт («*The Jews and Modern Capitalism*») и Карл Маркс («К еврейскому вопросу»), но в любом случае ни один из них (может, за исключением некоторых частей текста Макса Вебера) не делал это с целью проанализировать экономические аспекты основных текстов древнееврейской веры. В экономических журналах (*Journal of Business Ethics*, *Business Ethics Quarterly* и др.) вышел ряд статей, рассматривающих еврейскую бизнес-этику, однако ни один автор известных мне статей не исследовал исторические и философские основы иудаизма как единого целого. Что касается учебников по истории экономической мысли, то, для примера, из большого их числа укажу на книгу А. Макинтайра «Краткая история этики» (MacIntyre A. *A Short History of Ethics*). В главе «История моральной философии от Гомера до XX века» о еврейском учении даже не упоминается. Подобный подход главенствует и в других пособиях. Книгами-исключениями, в которых данный вопрос рассматривается глубже, можно считать старые, сегодня уже мало используемые учебники, например «Историю экономической мысли» Льюиса Генри Хани (Haney L. H. *History of Economic Thought*) и до определенной степени «Историю экономической мысли» Эриха Ролла (Roll E. *A History of Economic Thought*) или «Развитие экономической мысли» Генри Уильяма Спигеля (Spiegel H. W. *The Growth of Economic Thought*). Вклад евреев в интеллектуальную жизнь западной цивилизации рассматривается таким экономистом, как Торстейн Веблен, в его статье «Интеллектуальное превосходство евреев в современной Европе» (Veblen T. *The Intellectual Pre-Eminence of Jews in Modern Europe*).

¹¹⁷ См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма.

¹¹⁸ См.: Novak M. *The Catholic Ethic and the Spirit of Capitalism*.

¹¹⁹ См.: Зомбарт В. Евреи и экономика.

ной капиталистической экономики. Поэтому без Ветхого Завета в изучении донаучных экономических взглядов нам не обойтись. И не только потому, что христианство, построенное на его основе, оказало позднее большое влияние на формирование капитализма и экономической науки, – Ветхий Завет внес особый вклад в изменение восприятия экономической антропологии и этоса.

Именно еврейские традиции хозяйствования во многом предвосхитили развитие современной экономики. Уже в «темные» времена средневековья евреи регулярно использовали экономические инструменты, намного опередившие свое время и позднее ставшие ключевым элементом современной экономики¹²⁰.

Промышляли ростовщичеством, торговали всем, чем угодно... а особенно их интересовали акции и рынок капитала, занимались обменом валют и часто выступали посредниками при денежных транзакциях... выполняли функции банков и организовывали выпуск и обращение всевозможных ценных бумаг. Что касается капитализма современного (в отличие от времен античных, средневековых...), то в нашей сегодняшней жизни все эти виды деятельности в определенных формах присутствуют изначально (и неизбежно) – как с экономической, так и с правовой точек зрения¹²¹.

Об этом обычно говорят и те, кто на еврейские традиции нападает. Как отметил Ниал Фергюсон, «сам Маркс написал статью “К еврейскому вопросу”, в соответствии с которой “химическая национальность еврея есть национальность купца, вообще денежного человека”¹²²»¹²³. И, согласно одному из главных приверженцев расистской пропаганды Генриху Классу¹²⁴, евреи – это «народ, рожденный для торговли деньгами и товарами»¹²⁵. Как это произошло? Откуда взялся у евреев, изначально кочевого народа, этот дух предпринимательства? И можно ли евреев действительно считать творцами ценностей, определивших направление развития экономического мышления нашей цивилизации?

¹²⁰ На это указывает и Макс Вебер, посвятивший данной теме уже упомянутую книгу. См.: Weber M. *Ancient Judaism*.

¹²¹ Weber M. *Autorita, etika a společnost*. P. 270.

¹²² Маркс К. К еврейскому вопросу. С. 411.

¹²³ См.: Ferguson N. *War of the World*. P. 32. О взглядах Маркса на влияние евреев см. также: Mini P. V. *Philosophy and Economics*. P. 201.

¹²⁴ См.: Class H. *Wenn ich der Kaiser wär*.

¹²⁵ См.: Ferguson N. *War of the World*. P. 35.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.